

ЭЛЕКТРОННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И РОДИТЕЛЕЙ

01/2020

СВЕРЧОК ПОДРОСТОК

Ассоциация любителей
русскоязычной
детской литературы
"БУКОВКИ"
Париж

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ «СВЕРЧОК»

REVUE LITTERAIRE EN RUSSE POUR LES ENFANTS ET LES PARENTS
«SVERTCHOK»/«LE CRIQUET»

01/2020

Ответственная за номер/Responsable de publication:
Юлия Уточкина-Амамджан/Ioulia Outotchkina-Hamamdjian

Редколлегия/Rédaction:
Елена Сергеева/Elena Sergueeva
Татьяна Ляван/Tatyana Laving

Ассоциация любителей русскоязычной детской литературы «Буковки» и альманах «Сверчок» не получают никаких государственных субсидий, подпишитесь на наше издание, чтобы его поддержать.

L'association des amateurs de la littérature russophone pour enfants « Boukovki » et la revue « Svertchok » ne perçoivent aucune subvention publique. Abonnez-vous pour nous soutenir.

Этот номер альманаха подготовлен и издан благодаря волонтерству всех членов Редколлегии.

Ce numéro a été préparé et publié grâce à l'action bénévole de tous les membres du Comité de rédaction.

Editeur: Association des amateurs de la littérature russophone pour enfants « Boukovki »
RNA: W751230833
Siège social : 121 boulevard de Grenelle 75015 Paris France
E-mail: boukovki@hotmail.com
Site: [http:// boukovki.org](http://boukovki.org)

ISSN: 2650-0663

©Auteurs pour les œuvres
©Editeurs pour les œuvres cédées par contrat
©Association «Boukovki» pour la présentation et la mise en page
©Illustrateurs et éditeurs indiqués pour les illustrations
Nous avons utilisé les illustrations libres de droits du site « Pixabay »

СОДЕРЖАНИЕ

ВВОДНОЕ СЛОВО.....	5
МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ... В РИФМАХ И ПРОЗЕ.....	6
Александра ЗЕЛЕНСКАЯ.....	7
Сижу на уроке ⁽¹¹⁺⁾	7
Девочка-Луна ⁽¹¹⁺⁾	8
Детство ⁽¹¹⁺⁾	10
Легко по млечному пути ⁽¹¹⁺⁾	10
Илона ВОЛЫНСКАЯ.....	11
Портреты сказочных принцесс ⁽¹¹⁺⁾	11
Портрет Средневековый ⁽¹¹⁺⁾	12
Портрет Древнерусский ⁽¹¹⁺⁾	15
КОНКУРС «СВЕРЧКА»	20

CARTE BLANCHE	
ИЗДАТЕЛЬСТВУ «КОМПАСГИД»	21
Юлия Кузнецова	
Фонарик Лилька ⁽¹²⁺⁾	21
Наталья Вишнякова	
Не плачь ⁽¹²⁺⁾	35
С ПОЖЕЛТЕВШИХ СТРАНИЦ.....	48
Лидия Чарская	
Вторая Нина ⁽¹³⁺⁾ - главы 3 и 4	49
Александр Куприн	
Олеся ⁽¹⁵⁺⁾ – глава VI.....	60
ИГРОВОЙ ЗАЛ	64
Ольга Лалажель	
Саша и Женя играют в словесную игру	65
Старинная шарада	67

ПАПАМ И МАМАМ	68
НЕМНОГО ПОЭЗИИ : Виктория Таибова	69
Я тебя люблю	69
Мама	69
Нежная моя	70
Вынимая из карманов.....	70
РОДИТЕЛИ УЛЫБАЮТСЯ : Сергей Улашев	71
Первое свидание дочи	71
НАШИ БЕСЕДЫ	73
Интервью с Марией Бершадской	73
Интервью с Полиной Сорель.....	80
ОБ АВТОРАХ	90

Дорогие читатели!

Гостями этого первого подросткового номера «Сверчка» стали Мальчишки и Девчонки.

Мальчишки и Девчонки – это не просто подростки, это целый мир - особый мир! В этом мире есть свои правила - не такие, как у взрослых, здесь всё по-другому: и любовь, и дружба, и просто жизнь...

Эта Вселенная имеет свою историю, ведь Мальчишки и Девчонки были всегда, во все времена. Какими они были, что чувствовали, как дружили, влюблялись, учились, ссорились, не слушались родителей, искали свой путь в жизни, совершали ошибки или подвиги? Какие они сегодня, эти будущие взрослые? Как они живут? На все эти вопросы невозможно ответить – слишком мало для этого нескольких десятков страниц... Но мы попытаемся ответить хотя бы на некоторые из них языком прозы и поэзии!

На страницах альманаха вас ждут стихи Александры Зеленской, художественно-познавательные зарисовки Илоны Волынской, главы из произведений Лидии Чарской и Александра Куприна. Издательство «КомпасГид» позволило нам опубликовать отрывки из великолепных повестей Юлии Кузнецовой и Натальи Вишняковой. Обе книги лишь готовятся в печать. Первая - уже издавалась несколько лет тому назад и стала лауреатом литературной премии Сергея Михалкова. Вторая история – совершенно новая, и вы станете её первыми читателями!

Ольга Лалажель придумала новую словесную игру, а мы раскопали в одном старинном журнале интересную шараду 1885 года!

Задумали мы и КОНКУРС! Предлагаем вам представить себе, нарисовать и прислать нам до 30 марта персонажей зарисовок Илоны Волынской. А мы уже готовим для вас призы...

Надеемся, что и родители смогут найти на страницах этого номера что-то интересное. Замечательные, глубокие стихи Виктории Таиловой о родительстве уступят место весёлому скетчу Сергея Улашева. А на беседу со «Сверчком» мы пригласили знаменитую детскую писательницу Марию Бершадскую и педагога, методиста и автора пособий по обучению чтению из Германии Полину Сорель. Мы уверены, что в этих интервью вы найдёте ответы на многие важные вопросы.

Особое спасибо Анне Полютник, предоставившей «Сверчку» свои рисунки. Анна живёт в мире Мальчишек и Девчонок, ведь ей всего лишь 15 лет...

Приятного чтения!

Ваш «Сверчок» и Редколлегия

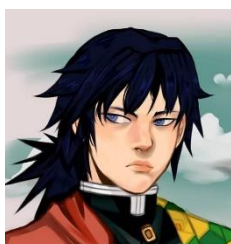
МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ...В РИФМАХ И ПРОЗЕ

11+

Автор: АЛЕКСАНДРА ЗЕЛЕНСКАЯ
Иллюстрации: АННА ПОЛЮТНИК

* * *

Сижу на уроке, прикрывшись тетрадкой,
На наших мальчишек смотрю я украдкой.
Все выглядят вроде достойно вполне,
Но нужно решить: кто же нравится мне?

Андрей в математике очень силён,
Играет в футбол – это, может быть, он?
Серёжа в компьютерах круто сечёт.
Он блогер и геймер, что в общем не в счёт.

Иван увлекается серфингом очень,
Его в обладатели кубков пророчат.
Максим любит книги и пишет свою,
Вот только я книги не очень люблю.

Итак, на кого не посмотришь – звезда!
И что же мне делать прикажешь тогда?
Без мальчиков трудно на свете прожить...
Так может мне с ними со всеми дружить?

ДЕВОЧКА-ЛУНА

Я – девочка-луна.
Я отражаю свет,
Когда я не одна,
Уж миллионы лет.

Сродни кусочку льда,
Внутри я холодна,
Как мёртвая звезда,
Я – девочка-луна.

Но я – как день светла,
И в этом мой секрет,
Душевного тепла
Я отражаю свет.

И, наравне с теплом,
Всегда окружена
Любовью и добром
Я – девочка-луна.

И кажется порой –
Нет темной стороны
У ярко-золотой,
У девочки-луны.

* * *

Много девчонок на этой планете
Встретил одну из них я в Интернете.
В городе нашем она проживает,
Те же места, что и я, посещает.
Знает немного о школе моей;
И я решил лично встретиться с ней.

Думал, куда бы её пригласить,
Чтоб поболтать, обо всём расспросить...
Может быть, завтра пойти нам в кино?
Только в кино будет очень темно.
В консерватории пыльно и скучно.
В библиотеке – уж очень научно.
Театр – для взрослых, а цирк - малышам,
Я не хотел бы идти туда сам...
На ресторан денег вроде бы нет,
Папа купил на футбол мне билет.
Матч чемпионов! Какая удача!
Только на деле всё вышло иначе.
Выход был найден, как мне показалось.
Я пригласил, а она... отказалась....
Так подскажите, пожалуйста, братцы,
Где же с девчонками лучше встречаться?

ДЕТСТВО

Детство – призрачного счастья пора,
Безудержной энергии страница.
Дни, полные мечтаний и забав,
И ворох споров, кто там прав или неправ.
Ночами да сих пор так ясно снится
Площадка детская из нашего двора.
Но беззаботность, как шальная птица,
Вдруг упорхнула, часть души забрав.

* * *

Легко по млечному пути
Я так давно мечтал пройти,
Собрав в своё лукошко
Красивых звёзд немножко.

Когда обратно я приду,
То подарю тебе звезду.
Но было б интересней
Гулять по небу вместе.

Автор: ИЛОНА ВОЛЫНСКАЯ

ПОРТРЕТЫ НЕСКАЗОЧНЫХ ПРИНЦЕСС¹

Истории королевского детства

Приходишь в музей – со школьной экскурсией, или с родителями, или друзьями – по стенам развешаны портреты всяких исторических личностей. Есть здесь и мальчишки 10-12 лет в генеральских и адмиральских мундирах – и это не маскарад, они действительно рыцари, генералы, адмиралы. Или девчонки в широченных юбках, с драгоценностями в высоко взбитых волосах. И подписи: «Принц такой-то», «Королева такая-то». И думаешь: вот у кого должно быть счастливое детство. А что? Во-первых, взрослые слушались их, а не они взрослых, ведь главнее принцев и принцесс только их родители, короли и королевы. Во-вторых, раз ты «Высочество» или уж тем более, сразу «Величество», – то все желания должны выполняться. Хочешь – учишься, не хочешь – не учишься, а если учителя против – приказываешь отрубить им головы. Или заточить в тюрьму на всю жизнь в компании учебника математики. Ну а в-третьих, просто посмотрим на картину – и станет понятно, как повезло тем, кто родился принцем. Конечно, повезло, если у мальчишки сабля на боку или ружьё в руках, или он на коне впереди полка скачет. А у девочек и веера, и драгоценности, и платья такие, такие... какие и положены принцессам!

Но как они действительно жили, королевские дети с портретов? Вряд ли принцесса английская просила: «Мам, можно я у принцессы французской подольше посижу? А вечером меня её папа-король до Лондона проводит». С кем они дружили на самом деле и были ли у них друзья? Во что играли и играли ли вообще? Как складывались их отношения с родителями? Учились они где – неужели в школу ходили? Попробуем разобраться...

¹ При работе над текстами автор использовала труды историков – специалистов по каждому из периодов.

Портрет средневековый. Вредные франкские мальчишки.

Шестой век нашей эры, самое начало... Рима больше нет. Ещё существует Византия, Восточная Римская империя, но Вечный Город уже захвачен варварами. Сбылась мечта врагов Рима – волки воют над Капитолием. И выясняется, что даже

Хлодвиг с семьёй. Великие хроники Франции. XIV в.

суровые римские законы лучше, чем вовсе никакие, а жестокая власть императоров лучше, чем десятки королей, непрерывно дерущихся за эту власть.

Последний из императоров, по иронии истории носивший то же имя, что и основатель Рима, Ромул, пятнадцатилетний мальчик, прозванный Августёнком, захвачен в плен. По тогдашним меркам с ним поступили очень, очень по-доброму – всего лишь искалечили. С детьми таких же варваров, как они сами, завоеватели Рима поступали много страшнее. Так начиналось Средневековье – не то, которое в кино, с блистательными рыцарями и прекрасными дамами, – а настоящее. Римский водопровод, римская педиатрия (наука о лечении детей), римское образование – все сгнуло. Дети умирают от голода, холода, болезней. При денежных неприятностях в семье детишек продают или закладывают, как часы в ломбард (в древней Руси такой обычай назывался «одерень»). Естественно, мнения детей никто не спрашивал – на той же Руси слово «отрок» обозначало «неговорящий».

Портреты детей средневековья можно по пальцам пересчитать – их практически перестанут изображать. Разве что... на надгробных памятниках. Даже эта миниатюра из «Больших хроник Франции» появилась в XV в., через девятьсот лет после того, как изображенные здесь юные короли выросли, умерли и были погребены. Что ж, они, по крайней мере, выросли.

Благовоспитанные юноши на миниатюре – в мантиях и зубчатых коронах, да ещё и явно в сопровождении наставника – не имели ничего общего с настоящими Хлодомиром, Хильдебертом и Хлотарем, сыновьями Хлодвиг и Хродехильды. Родовое их имя было Меровинги, и своё происхождение они вели от некоего морского чудовища, встретившего в воде симпатичную купальщицу. От этой встречи родился их прадедушка Мервей. Все Меровинги были дикие, агрессивные и длинноволосые – по семейному обычаю стричься им нельзя, чудовище не велело, не то силу потеряют. И эти дикие мальчишки ещё до своего рождения стали чуть ли не самыми значимыми персонами христианского мира – именно от них зависело, например, примут франки христианство или нет.

Альма Тадема. Воспитание детей Хлодвиг

крестильных одеждах. Хлодвиг высказал своё неодобрение: «Если бы моего сына приняли мои боги, он остался бы жив». Когда родился Хлодомир, ему по обычаю смазали нёбо мёдом – чтоб сразу прочувствовал вкус к жизни, язык промыли водой – чтоб быстрее учился говорить. Мать снова попросила у мужа разрешения крестить новорождённого. Хлодвиг нахмурился, но снова согласился. Сразу после крещения мальчик тяжело заболел. Вот тут Хлодвиг всерьёз рассердился. За здоровье Хлодомира дружно молилась вся христианская община Франкского государства:

– Господи, сделай так, чтоб маленькое чудовище, сын большого и вооружённого чудовища, выздоровело, а то ведь нам тут, на земле, будет ох как невесело!

Хродехильда

Бургундская была христианкой, её муж король франков Хлодвиг – язычником. Когда родился их первенец Ингомер, мать попросила у мужа разрешения его крестить. Отец согласился. Мальчик умер сразу же после крещения, прямо в

Господь внял, Хлодомир выздоровел. Хлодвиг решил предоставить христианскому богу ещё один шанс. Крещение Хильдеберта и Хлотаря прошли благополучно, и сам Хлодвиг крестился вместе с 6-тысячным войском (предварительно вымолив у Бога победу над алеманами). Христиане или нет, больших изменений в воспитании мальчишек не произошло, разве что местный священник заставил зазубрить пару молитв и научил креститься, когда положено. В остальном троица братьев воспитывалась, как и другие молодые франки – неважно, королевского рода или простые воины. Какие там поэты и риторы, какие латынь, греческий и философия! Читать и писать парни не умели, ещё не одну сотню лет для чтения и письма при знатных господах будет состоять священник. Зато умели считать – воинов, оружие, добычу. И конечно, умели сражаться! Это и была основная наука. Мечи в ту пору использовались, но главным оружием на самом деле были копья (остро заточенные деревянные колья без наконечника) и топоры. Кроме собственно королевства, у тогдашних королей имелись личные имения (лены) – мальчишки носились по ним целый день: от тренировок с воинами в кузницу, из кузницы в оружейную, из оружейной на речку... Ещё играли во что-то вроде боулинга, только кеглями служили кости животных. И непрерывно дрались между собой.

И главное, за ними никто из взрослых особо не приглядывал. Просто не могли. Даже сейчас мы часто слышим: «Я всё время работаю, я просто не могу заниматься ребенком!». Много позднее монах и учитель Бартоломей Английский даст такое определение любящего отца: «Он работает, чтобы преумножить богатство и увеличить наследство сыновей и насытить их в юности так, чтобы они могли насыщать его в старости».

Хлодвиг «работал». В начале его правления у Меровингов было маленькое королевство и большая семья. А через 30 лет, что очень много для тех времен, королевство стало огромным, а семья ма-аленькой-маленькой – король старательно уничтожал близких и дальних родичей, чтобы у его сыновей не было соперников, и эти резвящиеся на свободе мальчишки могли бы жить лучше и спокойнее, чем их папа.

Странная зависимость: иметь успешного отца бывает очень вредно для детей. Хлодвиг уничтожил лишних, с его точки зрения, родичей, но по обычаю франков разделил свою громадную державу между сыновьями. И после смерти короля те

занялись тем же, чем развлекались в детстве – драками друг с другом! Только теперь у них в руках были вовсе не деревянные мечи. Захватывали земли, убивали детей – своих племянников, увозили жён своих же братьев, а те потом удирали от них в монастыри... В общем, вели очень бурную жизнь – и тем не менее вошли в историю под общим прозвищем «ленивые короли». Они щедро раздавали земли – вассалам, союзникам, любимцам. Не только земли королевства, но и свои личные. В результате трудов Хлодвиг по созданию великого королевства франков обернулись ничем!

Портрет древнерусский. Любимые дочери Ярослава.

Мы всё о мальчишках да о мальчишках, а девчонок в древние времена будто и не существовало! Существовали, конечно, но если даже портреты мальчишек, наследников, в Средние века были редкостью, то уж увидеть портрет средневековой девчонки – невероятное чудо! Тут и мальчишек за людей не считают, а уж девчонки –

*Фреска с изображением дочерей Ярослава Мудрого
на стене Софийского собора в Киеве*

так, не особо ценное домашнее имущество. И всё-таки такое чудо появилось. В одной из самых цивилизованных стран Средневековья – в Киевской Руси, Руси Ярослава Мудрого. Знаменитые фрески Софийского собора в Киеве, где изображена вся семья князя: на одной стене – сыновья, на другой – диводивное, ярославовых дочек нарисовали!

К XI в., когда были созданы фрески, со времён «ленивых королей», сыновей Хлодвиг, отношение к детям изменилось: о них начали заботиться и воспитывать! Родителей, которые не воспитывают свое чадо, даже соседи попрекали:

– Что ж вы, уважаемый, сыном совсем не занимаетесь, не воспитываете...

– Как же не воспитываю, очень даже воспитываю, можно сказать, не покладая рук!

– А почему он у вас тогда не орёт? – подозрительно вопрошали соседи. Потому что под воспитанием тогда понималось сильное и регулярное битьё.

В ту пору считалось, что любой человек рождается плохим, и только регулярное выколачивание из него дурных наклонностей может сделать его достойной личностью. Как сейчас говорят: если ребенка не воспитывать, что ж из него вырастет? Старинные книги предупреждали: «от биения сына своего не воздержайся... Сын от раны не умрёт, а небрегать будешь, иную вину приведёт». Кстати, тогда были уверены, что родительские побои – не только воспитательный метод, но и замечательная оздоровительная процедура, вроде гимнастики. Укрепляют кости, разгоняют кровь, ...

Девчонок пороли точно также, как и мальчишек, и княжеских дочек – так же, как боярских, купеческих или крестьянских. Полное равенство сословий перед розгой! Правда, княжеских сыновей и дочек лупили не лично папа с мамой. Ярослав и его варяжская жена Ингигерда (в крещении Ирина) были действительно заняты делами войны, мира и управления, поэтому не могли лично пороть всех своих девятиерых отпрысков (а учитывая бойкость и хулиганистость княжичей, чтоб перепороть всех, да за все провинности, пришлось бы все дела забросить!). Поэтому у каждого был свой воспитатель.

В древнерусские времена одним из самых почетных добавлений к боярскому имени было «Кормилич», «Пестун» или «Нянька», означавших, что князь доверил им самое дорогое – своих детей. Но только младшей дочери, Анне, доставалось наравне с братьями. Старшая Елизавета была настоящей зубрилкой, все книжки да книжки, средняя Анастасия – тихоней, зато Анна росла сорванцом.

Родители тех времен выражали свою любовь не только битьём – они, совсем как сейчас, дарили детям игрушки.

Сестрица Елизавета детские игры игнорировала – красивая, как Облачная Дева в сказке, наряженная, как подобает княжне, она у окошка терема читала Гомера в оригинале, на греческом, и речи Цицерона на латыни.

Анастасия устраивала игрушечные пиры – с искусно сделанными из глины кукольными горшочками, сковородничками и кувшинчиками, и забавлялась с куклами. Кукол, изображающих взрослых девочек, которых наряжать можно, тогда ещё не

было, только что-то вроде деревянных пупсов без рук и ног, специально для пеленания.

Анна тоже была не прочь поиграть в дочки-матери, но гораздо больше ей нравились игрушки, как у братьев: деревянные мечи, кинжалы, маленькие луки. И кони, ох, Анна и кони! От лошадок-каталок на колесиках и палочек, увенчанных вырезанной из дерева конской головой, Анна быстро перешла к настоящим степным скакунам, на которых носилась, очертя голову, по полям и лесам. С утра штаны, как у половчанки, натянула – и в седло. Возвращается к вечеру, взмыленная, не хуже собственной лошади.

Анну пороли – сперва надеялись перевоспитать, потом – что с поротым задом в седле не усидит. Ничего, она научилась скакать, стоя в стремях! И хотя от детей требовалось безусловное, просто рабское повиновение родителям, реальная жизнь, как всегда, внесла свои изменения, скажем так, в тогдашнюю педагогическую теорию. Анна переупрямила и родителей, и воспитателей. Согласились – пусть будут кони, луки, и даже уроки боя на мечях с немолодыми и осторожными дружинниками. Условие лишь одно – не в ущерб учёбе!

В ярославовой державе было много грамотных даже среди крестьян. Как и в средневековой Западной Европе, практически всё образование являлось церковным.

В то же время, некоторые боярские семьи уговаривали князя организовывать школы со светским уклоном, чтоб иметь не только образованных монахов, но еще и воевод, управителей, экономов. В Новгороде, где Ярослав создал одну из первых таких школ, сохранились берестяные грамоты ученика Онфима и его приятелей Данилы и Матвея. Чтение, письмо, счёт, а внизу грамотки рисунок «войнушки»: всадники на конях, разбитые враги...

Княжнам порисовать на уроке не удавалось. Они занимались с отдельным наставником, всегда на глазах, чуть что – розгой по пальцам. Обычных-то девчонок уроками особо не мучили – чтение, письмо, молитвы, домоводство, и хватит! Образование княжон очень отличалось – та же Анна, несмотря на скачки и тренировки с мечом, свободно владела латынью и греческим, а на родном языке

могла писать не только привычной кириллицей, но и устаревшей на ту пору глаголицей. Впоследствии, уже из Парижа, именно глаголицей она станет писать отцу о политическом положении в европейских государствах – ни один шпион не сможет прочесть!

Неудивительно, что сестры Ярославны столько знали – ведь учить, и учить всерьез, их начали ещё с возраста «заплетания косы», перехода от младенчества к собственно детству, то есть примерно с трёх-четырёх лет (для мальчишек этот возраст, наоборот, обозначался стрижкой и первым «посаждением на коня»). Рано начинали, но ведь и времени на учёбу не так уж много. Мальчишки в 15-16 уже женились, хотя настоящая взрослость считалась не по возрасту, а по самостоятельности и ответственности. Было такое слово, «детина» - взрослый мужик, живущий в хозяйстве отца, а потому всё ещё считающийся ребенком. Зато если ты принял на себя заботу о хозяйстве и близких, например, после гибели отца, хоть тебе девять, хоть десять лет, ты – взрослый, и воспринимать тебя станут как взрослого. Княжичей считали взрослыми, когда они получали в управление собственный удел.

Взрослость для девочек наступала и того раньше – когда они выходили замуж. В 13-14 лет подходил возраст «вскакивания в понёву²». Девчонка забиралась на высокую лавку и ходила по ней туда-сюда, а мать бегала с распахнутой понёвой и уговаривала: «Вскочи, дитетко; вскочи, милое». Дочь сурово отвечала: «Хочу – вскочу, хочу – не вскочу». Но прыгала обязательно – только после прыжка к ней могли засылать сватов. А ведь надо было ещё и попасть!

На фреске Софийского собора старшие девочки уже явно «прыгнули». И сваты не заставили себя ждать: для Елизаветы – бурная, как в её любимых книгах, история сватовства Харальда Норвежского, добывшего корону, чтобы гордая Ярославна стала его женой. Мечтательно-романтическая любовь Анастасии и венгерского изгнанника герцога Андраша, вскоре уехавшего вместе с молодой женой возвращать трон. И только Анна пока ещё маленькая, но её ждёт самая блистательная судьба.

Слава о золотоволосой красавице княжне пройдет по всей Европе и даже папа Римский напишет ей: «Слух о ваших добродетелях, восхитительная девушка, дошел

² Юбка из двух кусков - элемент русского народного костюма, женская шерстяная юбка замужних женщин из нескольких кусков ткани. Обряд «надевание поневы» говорил о том, что девушка уже могла быть просватанной.

до наших ушей». Сватов, достойных Анны, пришлет французский король Генрих I, и Анна, вслед за сестрами, покинет отцовский терем. Увидит Париж – презрительно сморщит носик: деревня по сравнению с Киевом! Увидит Генриха – а неплох жених! Она будет не очень счастлива в браке, но родит королю наследников и впервые введёт в родословие французских королей греческое имя Филипп.

Мудр был отец, князь Ярослав. Он смотрел на девчонок, а видел будущих королев. И ещё... хорошо подготовленных «посланниц древнерусского влияния». Не потому ли и велит Ярослав изобразить своих девочек на стене Софийского собора? Из гордости, непонятной его крестьянам, дружинникам и даже боярам, но очевидной современным родителям, следящим с фотоаппаратом за каждым успехом своего ребенка: от первых шагов до поступления в университет.

КОНКУРС «СВЕРЧКА»

**НАРИСУЙТЕ ПЕРСОНАЖЕЙ ДВУХ КОРОЛЕВСКИХ
ИСТОРИЙ ИЛОНЫ ВОЛЫНСКОЙ!**

**ПОБЕДИТЕЛИ ПОЛУЧАТ ПРИЗЫ, А ЛУЧШИЕ РАБОТЫ БУДУТ
ОПУБЛИКОВАНЫ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕГО
АЛЬМАНАХА.**

**ДО 30 МАРТА ЖДЁМ ВАШИ РИСУНКИ ПО ЭЛЕКТРОННОЙ
ПОЧТЕ: boukovki@hotmail.com**

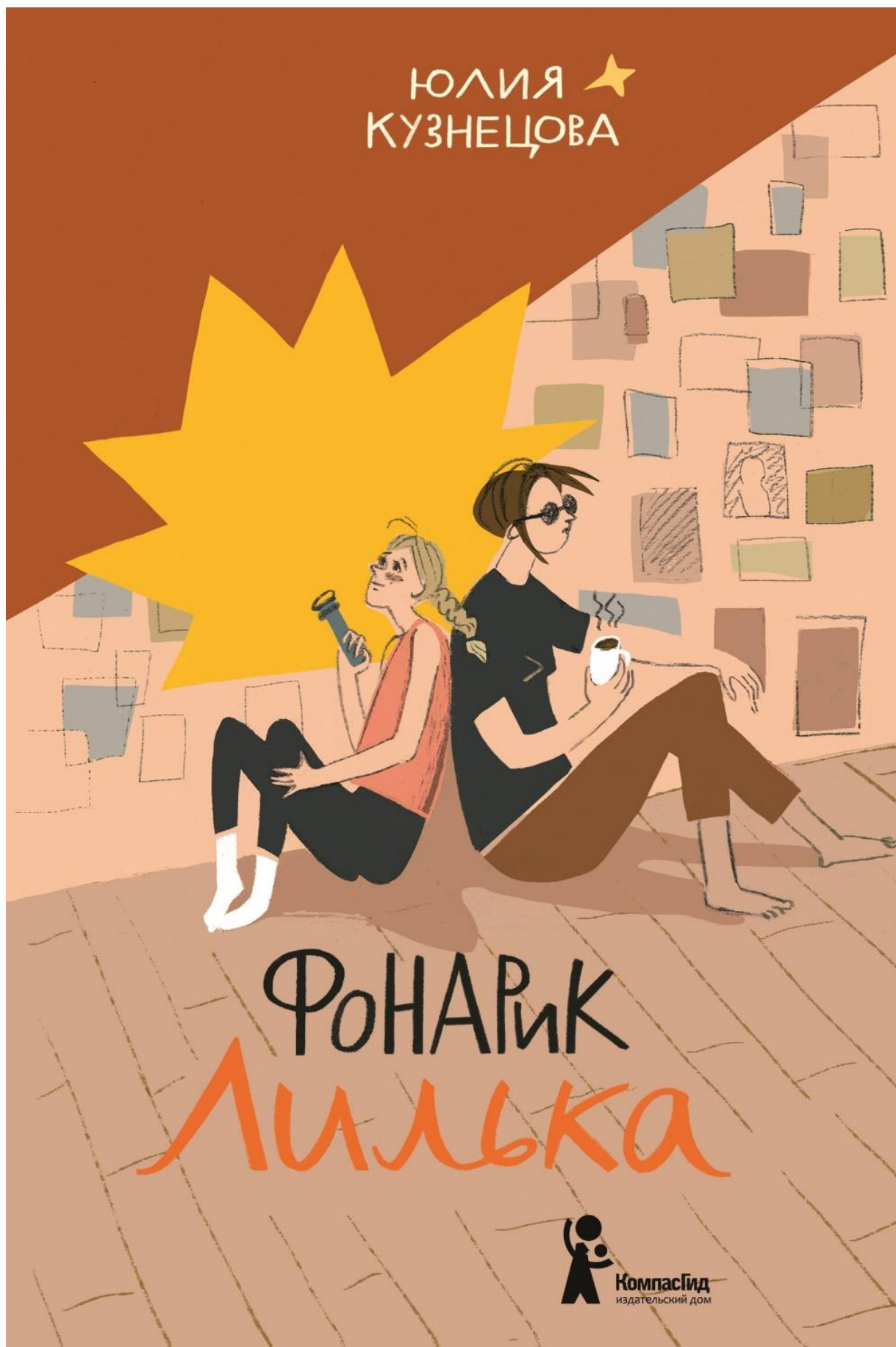
«CARTE BLANCHE» ИЗДАТЕЛЬСТВУ «КОМПАСГИД»

Произведения, представленные на этих страницах, готовятся в
печать.

ЮЛИЯ ★
КУЗНЕЦОВА

ФОНАРИК
Лилька

12+

Автор: ЮЛИЯ КУЗНЕЦОВА
Обложка: ДАРЬЯ МАРТЫНОВА

ФОНАРИК ЛИЛЬКА

Отрывок

ГЛАВА 1

Настоящий боров

Я не так собиралась встретить этот день. Не прислоняясь к ледяной стене, обхватив себя руками, закрыв глаза, то проваливаясь в сон, то просыпаясь, чтобы проверить время на мобильном: пора?

— А ты чем по жизни занимаешься? — лениво спросила одна из розоволосых, которые часа три назад зажигали на танцполе, а теперь мёрзли вместе со мной в томительном ожидании, держась за стенку и медленно моргая слипшимися ресницами.

Отвечать не хотелось. Но я ответила. Не то чтобы выпендривалась, но...

Мне это правда было нужно. Вроде лекарства от всех болезней. Точнее, от одной.

— О-о-о, — простила девочка-фламинго, — как это круто! Я тоже хотела! Давно хотела! А что ты заканчивала?

Но я не ответила ей: мобильный показывал, что пора, и я ему поверила. Сбежала по ступенькам, перепачканным мартовской снежной кашей, в подземный переход, спугнула парочку голубей, что-то выклёвывавших из грязной лужи. Всполошённые, они разлетелись в разные стороны. Так и надо всем парочкам на свете!

— Не уходи! Пожалуйста! Не уходи! — кричала мне вслед девочка-фламинго. Я обернулась. Она ползла за мной, держась за стенку обеими руками и даже прижимаясь щекой, будто танцуя с ней танго. Слишком много коктейлей, слишком. Я покачала головой. Эти слова должен был пять часов назад произнести совсем другой человек.

В метро я заснула. Когда открыла глаза, двери вагона были распахнуты. Я узнала стены, чёрно-коричневые, ребристые, словно собранные в мелкую гармошку, и вскочила, но двери захлопнулись, словно только и ждали, когда я проснусь. Поезд тронулся дальше, а я ухватилась за поручень и опустила глаза. Все, кто не спал, смотрели на меня, а дядька с чемоданом, сидевший ближе всех к выходу, зачем-то оглядел меня с головы до ног, потом с ног до головы. Люди любят смотреть на неудачников. Им хотелось изучить меня: что с ней не так? Почему она проспала свою станцию?

Когда в конце концов я выбралась на улицу, было почти светло и ни капельки не тепло. Я шмыгнула носом, вынула шапку из кармана куртки, натянула. Решила сократить дорогу, пройдя через сквер.

Подумала о времени, но не подумала о дороге. Лёд в сквере никто счищать и не собирался, всех всё устраивало, и вместо того чтобы идти и дремать на ходу, мне пришлось двигаться черепашьям шагом, напряжённо пробуя ногой каждый кусочек дороги. Пару раз поскользнулась, пару раз ругнулась. А ведь могла быть совсем в другом месте!

Оглядев сквер в поисках тропинки, не похожей на каток, я заметила на скамейке

парочку: на девушке было зелёное пальто.

«Липатова», — узнала я. Правда, совершенно непонятно, что Лариска могла делать в шесть утра в заледеневшем сквере. Её электричка только в семь приходит на Ярославский вокзал. Но раз уж она всё равно тусуется с каким-то парнем, я могу её отозвать в сторону всего на пару минут и излить душу. Мне нужно с кем-то поделить мою беду. Иначе я сойду с ума.

Приблизившись не без труда к скамейке, я обнаружила, что в зелёном пальто — никакая не Липатова, а девчонка лет десяти-двенадцати. Она сидела и смотрела перед собой. Рядом с ней сидел дядька и глядел на неё. «Папа и дочка», — решила я и уже собиралась ползти по скверу дальше, как вдруг остановилась и снова посмотрела на эту странную парочку.

У девочки были тонкие кривоватые ноги, похожие на разогнутые скрепки, и ботинки, здоровенные настолько, что в них поместились бы не только ноги девочки, но и немного кирпичной крошки, которую следовало бы подсыпать, чтобы хозяйку ботинок не сдуло ветром. Смешная шапка — как мордочка медвежонка. Глазки, ушки. Сидит, смотрит на дорогу. И глаза медведя тоже смотрят на дорогу.

А вот дядька... Дядька был в коричневой куртке, в бурых штанах и в валенках. Я зацепилась взглядом за валенки. У нас, в Пушкино, можно было встретить в магазине какого-нибудь старикана в валенках, но в Москве... Я не видела.

Валенки не вязались с шапкой-медвежонком. И тем, как он смотрел на неё. Его взгляд мне напомнил экспонат в «Музее занимательных наук», куда меня как-то водил Серёня. (Эх, Серёня...) Поток воздуха держит шарик. Шарик кувыркается, но на пол не падает. Взгляд дядьки держал девочку, как шарик, хотя она даже на него не смотрела.

Я посмотрела на ледяную дорогу. Потом снова — на них. Девочка комкала в руках какой-то пакет. Пакет шуршал, и его шуршание не давало мне уйти.

Мне не понравилась эта парочка. Насколько не понравилась, что я решила вмешаться.

Пошарила в кармане, нашла бумажку. Осторожно шагнула к ним. Когда я подошла, девочка по-воробыиному вздёрнула голову и испуганно посмотрела на меня.

— Добрый день, — хрипло сказала я и протянула им бумажку, — в нашем кафе сегодня акция. Купите один кофе, второй — бесплатно. Вот флаер.

Я протянула флаер им обоим. Никто не сделал попытки взять. Дядька медленно отвёл глаза от девочки. А она дёрнулась и задышала часто-часто.

Дядька теперь уставился на меня. У него были толстые губы, толстые щёки, и веки тоже были какими-то толстыми. А глаза странные, пыльно-серые, как будто ничего не выражающие, но у меня внутри застучало-заколотилось. Казалось, что смотрит, смотрит, а потом — как укусит за куртку. А девочка всё дышала-дышала-дышала и даже головой дёргала в такт дыханию. Я набрала воздуху, как перед прыжком в воду, и затараторила, обращаясь к девочке:

— Слушай! Ты такая красивая! А тебе никто не предлагал в рекламе сняться? Я работаю в одном агентстве. Нам как раз нужны девочки, чтобы зубную пасту рекламировать.

Я несла эту чушь, а про себя молила: «Ну скажи, мужик, скажи: „Отвалите, барышня, от моей дочери со своими идиотскими предложениями“». А лучше пусть она спросит: «Пап! Можно?» Она спросит, а я признаюсь с облегчением, что наврала, и пойду домой. Медленно, но спокойно.

Девочка молчала. И он тоже. Только смотрел на меня своими странными глазами.

— Давай? Пойдём со мной, — весело сказала я девочке, — заодно к твоим родителям зайдём, спросим разрешения?

Дядька вдруг оглянулся. Так, как воры в фильмах оглядываются, прежде чем в квартиру войти.

Я вздрогнула: а если нож достанет?

Сделала вдруг один ватный шаг, схватила девочку за плечо и подняла её.

Девочка застыла и зажмурилась, и я испугалась, что она сейчас грохнется в обморок, потом опустила глаза и увидела, что этот боров держит её за руку. За запястье. У неё часы были на запястье. Красный резиновый ремешок виднелся под его огромными пальцами. А другая рука борова была в кармане.

Кричать в пустом ледяном сквере было жутко. Но я решилась:

— Полиция!

И погромче:

— Помогите!

Толстые губы чуть раздвинулись в улыбке. По мне пронеслась волна мурашек: у него не было двух передних зубов, и улыбался он, словно щерился. Он вытащил вторую руку, пустую, и протянул ко мне, но тут мы оба повернули головы к метро. Оттуда вышла тётка, за ней — двое парней в синих спортивных куртках.

Он разжал пальцы. Я дёрнула девочку за плечо, увлекая за собой к выходу, к магазину, к аптеке, к лядям, а она топала по ледяной дороге, и ноги у неё разъезжались, как у Бэмби, который только что родился.

ГЛАВА 2

Лиля

Так мы и ползли по скользкой дороге, как мухи по липкому стакану. Я впереди, она за мной. Я не оборачивалась, да и девчонка сосредоточилась только на своих ногах. Навстречу нам шли люди, и образ получеловека-полумедведя переставал пугать, растворялся в первых солнечных лучах. Я даже зевнула и на секунду забыла о своей спутнице, но потом снова вспомнила и спросила, когда мы добрались до светофора:

— Ну и чего?

Она вскинула на меня глаза. Серьёзные, светло-голубые, а ресницы тёмные, как накрашенные.

— Что — чего? — тихо спросила она, и я увидела у неё на зубах пластинку.

Из-за неё она слегка шепелявила.

— Чего ты со мной идёшь? — спросила я. — Ты правда думаешь, что мы идём рекламировать зубную пасту?

Она покачала головой.

— Нет... я поняла. Что вы... так сказали... чтобы он там остался...

— Хорошо, что поняла, — подбодрила я её, — значит, крыша у тебя на месте.

Я думала её насмешить, но она неожиданно нахмурилась и отвернулась. Из-под шапки торчала светлая коса.

— А кто это был? — любопытствовала я.

— Не знаю... Он просто сказал: «Сядь сюда». Ну я испугалась и села с ним.

— Чего испугалась? — не поняла я.

— Ну, что он рассердится, если я не сяду.

— И что?

— Ну, кричать на меня начнёт. Ругать, — добавила она шёпотом, по-прежнему глядя в сторону.

— Ругать, — повторила я. — Всё-таки с крышей у тебя нелады. Протекает. Ладно. Всё хорошо, что хорошо кончается. Иди домой. Тебя, наверное, мама ждёт.

Тут она посмотрела на меня и помотала головой.

— Чего? — нахмурилась я, глянув на светофор. До зелёного оставалось двадцать секунд. Потом мне останется перейти дорогу и войти в подъезд моего дома.

— Я не могу туда.

— Почему? А, — догадалась я, — ты из дома сбежала?

Она кивнула.

— Ну ты даёшь! — восхищённо сказала я. — Я никогда дальше подъезда не уходила. Только скажу: «Всё, из дома уйду!», мать сразу за мной бежит и извиняется.

Её лицо скривилось, будто я сказала какую-то гадость. Странная девочка, что и говорить.

— Короче, иди домой спокойно, — серьёзно сказала я, — они там наверняка уже с ума посходили и вполне готовы простить тебе всё. Ты из-за чего сбежала? Из-за двойки? Или тебя бьют дома?

— Как — бьют? — испугалась она.

— С какой ты планеты? — фыркнула я.

— Нет, я знаю, как бить можно, — торопливо прибавила она. — Но кто, кто меня бить может, у меня только мама с папой. Никаких злых тёток, никого...

— А почему ты сбежала из дома?

Она молчала. Загорелся зелёный.

— Ну пока, что ли, — сказала я.

— Подождите!

Она вдруг вцепилась в мой рукав.

— Зелёный! — сердито сказала я.

— Я не могу, не могу домой. Дома на меня стены наезжают.

— Чего? — опешила я.

И подумала: «Может, у неё правда с головой непорядок?» Мне на глаза попался автомобиль скорой помощи. Машина стояла на светофоре, мигалка выключена. Помахать им, что ли?

— Вы только не думайте, что я сумасшедшая, пожалуйста, — торопливо прибавила она, шепелявя ещё сильнее. — У меня нормальная крыша.

— Да? Только стены ходят?

— Вы издеваетесь!

— А что мне ещё делать? — разозлилась я. — Я тебя спасла от какого-то уroda, а ты, вместо того чтобы поблагодарить меня и бежать к мамуле, держишь меня, как собаку на привязи, возле светофора и несёшь пургу про ходячие стены?!

Загорелся красный, машины тронулись.

— Ну спасибо, — пробормотала я, провожая глазами какой-то грохочущий драндулет. — Надеюсь, тебе тоже на работу через несколько часов и ты тоже не выступишь.

Она не отвечала. Я повернулась к ней. Она размазывала слёзы по щекам.

— Ну ёлки, — в сердцах сказала я. — Ну почему просто нельзя сделать доброе дело и пойти домой? Сделал добро, и тебе сразу на хвост связки консервных банок привязывают. Беги, мол, греми на здоровье!

— На какой хвост? — фыркнула она, потянув носом.

— На собачий, — сухо ответила я. — Не реви на холоде, щёки обморозишь.

— Мама так же говорит...

— Мама, — передразнила я её, — а где она, кстати?

— Дома... Спит.

— Это ты думаешь, что спит. На самом деле — волнуется. Давай-ка вот что... Как

тебя зовут?

— Лиля. А вас?

— Неважно.

— Вы не скажете? — удивилась Лиля.

— Я не люблю своё имя, — покачала я головой.

— Почему?

— Если бы твоё имя означало «курица», ты бы его тоже не любила. Короче, давай я тебя до дома провожу, а ты про свои стены уже маме расскажешь. Это как бы её проблемы, понимаешь? У меня своих вагон.

— Я тебе верю, верю, — добавила я, увидев, что Лиля снова собирается разреваться, — просто эти задачки должны родители решать, а не я. Понимаешь? Где ты живёшь?

Она показала на дом через дорогу. На мой дом.

— А, так мы соседи, — сказала я, довольная, что не нужно идти провожать далеко.

Это было ошибкой.

— А можно... — прошептала Лиля.

— Нет, нельзя!

— Да нет, вы не поняли, я хотела спросить, а можно я на лестничной клетке возле вашей квартиры посижу? Если вдруг что, я постучу к вам... Мне ненадолго, мне нужно, пока... ну...

— Ты в своём уме? — всплеснула я руками. — Что ты такое говоришь?! Может, я — маньячка. Я тебе даже имени своего не сказала! Может, я тебя так хитро домой заманиваю. Может, зайдёшь ко мне, я на тебя наброшусь и... не знаю! Съем твоё сердце!

— Простите, — прошептала Лиля, подышала на ладони и потёрла их, согревая. — Я не хотела... Мне просто надо где-то посидеть.

Я закатила глаза.

— И ты думаешь, я бы позволила тебе сидеть возле своей квартиры? Дружок, я хочу есть и спать, а лучше просто спать, мне на работу через шесть часов, на очень непростую работу, до вечера на ногах. А домой я тебя не приглашу. Потому что твои родители не знают, где ты. Возможно, ищут тебя. Возможно, уже в «Фейсбуке» разместили твоё фото в красной рамке. «Разыскивается девочка...» А ты хочешь пойти ко мне домой. Чтобы меня в похищении обвинили?

Лиля молчала. С силой наступала на снег ботинком и смотрела на следы.

— Хорошо, — сказала я. — Ко мне можно. Но сначала позвони матери и предупреди об этом.

— Правда?! — поразились она.

— Конечно. Звони!

Я ухватилась за эту мысль, уверенная, что ни одна мать в мире не разрешит ребёнку, который в шесть утра вышел из дома, «зайти к незнакомой тётеньке на пару минут». Надо будет обязательно уточнить, что эта гениальная мысль, «зайти на пару минут», не принадлежит «тётеньке».

— Только у меня мобильного нет... Я не взяла. Специально. Чтобы не определили, где я.

Я достала телефон из кармана. Красивый, новый. Подарок Серёни на Новый год (странно, что сегодня ночью я не разбила его в гневе о кафельную стену клубного туалета, когда заперлась в кабинке и рыдала, освещаемая неоновым светом). Глянула на экран. Разрядился.

— Так, всё, — решительно сказала я. — Ко мне не пойдём. Мне хватает

неприятностей. Сейчас я тебя провожу до подъезда, и ты пойдёшь к себе домой.

Она помолчала. Потом медленно кивнула.

— Только... только до лифта проводите, ладно?

— Уф-ф-ф... Ладно!

— Спасибо. Я не люблю заходить одна в подъезд.

— Я тоже, — брякнула я.

— Что?

— Ничего! Идём, зелёный!

Я ступила на белую полосу перехода, а за мной волочился «хвост из консервных банок» и спрашивал:

— А вы мне так никогда и не скажете, как вас зовут? Или всё-таки скажете? А когда?

ГЛАВА 3

Моя берлога

В подъезде, который оказался у нас один на двоих, меня ждал сюрприз — желудок не свернулся в трубочку, в ушах не застучало, как бывало всегда, когда тяжёлая железная дверь бабахала за моей спиной и я замирала, прислушиваясь: есть ли кто возле лифта? Есть ли кто в лифте? Если есть, то пойду по лестнице, но вдруг кто-то есть на лестнице?

Я не врала Лиле — я и правда не люблю подъезды. Так что сейчас испытала даже что-то вроде благодарности. Лилька, конечно, была худенькая, как из верёвочек, и ждать от неё, что она выхватит из-за пояса фракийский кривой меч и зарубит воображаемого врага, не приходилось, всё равно: желудок не свернулся в трубочку, и в ушах не застучало.

«Однако это не повод позволять ей садиться на шею», — напомнила я себе.

Шагнув в лифт, она быстро стащила варезку и протянула руку к кнопке лифта, наверное, стараясь опередить меня.

— У меня — последний, — предупредила её я.

— У меня тоже последний, — сказала она и всё-таки опередила меня, нажав.

Я пожала плечами: к себе я возвращалась только поспать и поесть, поэтому соседей не разглядывала.

Лилия тем временем гладила тонкими покрасневшими пальцами кнопки лифта — нам недавно поменяли, поставили на место старых — с точечками, шрифтом Брайля.

Мы вышли из лифта, я нащупала в кармане ключ. Лилия тем временем двинулась вверх.

— Эй, — сказала я, — ты далеко собралась? Там чердак, по-моему.

— Ага, — откликнулась она, не оборачиваясь.

— И решётка, — предупредила её я.

— Я знаю, спасибо, — мягко сказала она, добравшись до зелёной решётки, покрытой пылью и обрывками каких-то бумажек, — просто, если вот тут нажать, она открывается...

— А там что? — спросила я.

— Там небольшая комната. Ну, такая, как кладовка.

— Грязная?

— Грязная, — согласилась она, — там ещё эти штуки валяются иногда... как их...

— Я поняла, — перебила её я. — Зачем тебе туда?

— Там можно отсидеться, — вздохнула она, — мне надо недолго, всего полчаса.

— Ф-фу ты, — в сердцах сказала я, — ладно! Всё! Спускайся ко мне.

Она развернулась и сбежала ко мне. Всё лицо, даже ямочки на щеках, сияло.

— Правда? Правда? Я ненадолго. Спасибо вам большое!

— Зайди к матери, скажи, что ты тут.

— Я потом... Я позвоню ей... Как вы телефон зарядите.

Я молча отперла дверь.

У меня уже склеивались глаза, и мучительная мысль, что всё теперь кончилось и надо привыкать к тому, что Серёня в субботу не поедет со мной к маме в Пушкино, не давала мне покоя, поэтому Лиля вызывала раздражение.

— Быстрее шмыгай, — предупредила я, распахивая двери квартиры, которую никогда не называю своей, — и потише в коридоре, баба Клава спит.

Квартирную хозяйку звали как-то по-другому, но в глаза я её называла просто «вы», а за глаза — бабой Клавой, потому что это имя подходило к её цветастому халату, перевязанному тонким поясом, и чёрным войлочным ботинкам-прощайкам, в которых она ходила за молоком в «Копейку».

Молока покупала много — делала из него домашний творог и продавала у входа в ту же «Копейку». Подвирала, конечно, что «молоко от коровушки», но я её не осуждала, находя ситуацию смешной: люди выходят из «Копейки» и покупают творог, по сути, тоже из «Копейки», а ни от какой не от «коровушки», только на улице. «Сами дураки, — думала я, — ведутся на враньё».

Сама я прибежала к вранью только в самых крайних случаях, таких, как сегодняшний. Предпочитаю правду. Правда, сегодня за правду огребла. «Лучше бы ничего и не спрашивала у Серёни», — мрачно подумала я, разматывая на шее шарф, укладывая его на тумбочку в прихожей, а сверху — ключи. На мягкое — чтобы не звенели. Не хватало ещё разбудить бабу Клаву.

— Правая дверь! — еле успела сказать я Лиле, которая чуть не познакомилась с храпящей бабой Клавой.

— Вау!

— Да потише ты!

— Вау, — прибавила она шёпотом, — какая комната красивая!

Я пихнула её в спину, чтобы не стояла на проходе, и прикрыла дверь. Лиля потянула носом. «Чувствует запах кофе», — поняла я, но она ничего не стала спрашивать, а я не стала объяснять. На кой мне её новый восторг? Я и так-то не знаю, как от неё избавиться.

— Как у вас красиво, просто невероятно, — повторила Лиля, вертя головой во все стороны.

— Угу, Версаль, — буркнула я, швыряя сумку на кровать. Глянула на комп — проверить бы сейчас, нет ли сообщений от Серёни, но не при ней же.

— Ты давай не лсти мне тут. Сейчас зарядку найду, позвонишь домой. И скажешь, что вернёшься через пятнадцать минут. Мне спать надо.

— Я не лщу, честно-честно! — воскликнула она, снимая шапку-медвежонка.

— Слушай, ну что в моей комнате красивого, — устало сказала я, усаживаясь на стул, — кровать скрипучая? Серо-голубое покрывало бабы Клавы, в котором её кот дырку продрал? Окно заляпанное?

— Вот это! — Лиля показала на стены.

Запала, значит. Ну, она не единственная. Правда, «красиво» я ни разу не слышала. «Прикольно», «ржачно», «зачётно», «круть», — так говорят про мои стены, залепленные мемами из «Вконтакте» и с сайта «1001 мем».

Некоторые распечатывала, некоторые перерисовывала. Все приклеивала скотчем. Тут были мемы на любой вкус. Больше всего я любила сморщенную от радости или горя

рожицу и смешную подпись. Что-то вроде: «Как ни крути, но лучший шкаф для одежды — это стул». Или «До уборки всё валялось на своих местах, а после уборки всё стало аккуратно лежать непонятно где». Была у меня и девица, заламывающая руки под надписью: «Люди, ну сколько можно повторять, мне ещё рано замуж!» Был и хмурый котик с синяками под глазами и табличкой в лапках: «Недоброе утро». Была просто фотография наушников с подписью: «Петь в наушниках восхитительно, не слышишь своего голоса и думаешь, что у тебя есть талант».

— А вот тут ошибка! — сказала она вдруг, указывая на одну из картинок, мою любимую. — Запятой не хватает! Видите? Перед «так».

На картинке было вот что: «Ты спросишь, что я люблю больше — тебя или борщ? Я отвечу, что борщ. И ты уйдёшь так и не узнав... Что со сметанкой!»

Я рывком поднялась с кровати. Протянула руку и сдёрнула картинку. Смяла, швырнула в сетчатую урну под столом.

— Ну зачем вы так, — расстроилась Лиля, — жалко...

— Дело не в тебе, — сказала я, снова усаживаясь.

Я оглядела свою берлогу. Ещё вчера я смеялась над этими мемами. Над борщом вообще хохотала, перепостила его, разослала эсэмэской всем, кому могла. Ещё вчера мне казалось, что я отлично придумала: заклеить сиротские обои смешными картинками, показать, что мне плевать на обстановку, что мне смешно живётся, что у меня есть всё: классная работа, классный парень.

Но сегодня я смотрела на свою стену и думала: ну и чушь... Мемы казались мне жалкой попыткой прикрыть действительность. И теперь действительность пёрла, прорывая яркие картинки, щёлкала меня по носу скомканными листками и показывала: если кто и смешной, то это ты — дурацкая девочка с дурацким именем.

Я закрыла лицо руками.

— Ну вот зачем вы так! — воскликнула Лиля. — Вот так нельзя! Обижаться! Я, например, никогда не обижаюсь на маму, даже если... В общем, это же пустяк. Тут всего лишь надо было подрисовать запятую. Маркером. У вас есть маркер?

Я отняла руки от лица, подпёрла кулаками подбородок. Она тем временем присела на корточки, нагнулась, поправила съехавшую косу, вытащила мой листок. Потом распрямилась и осмотрела стол. И тут же воскликнула:

— Ой! Какое чудо! Это вы сами придумали? Правда? Ой, ну какая замечательная идея!

Не успела я сказать, что так и есть, я придумала сама купить в спортивном два десятка пластиковых теннисных шариков и на каждом нарисовать рожицу: с весёлой улыбкой, с грустными глазками, с раскрытым от хохота ртом, с красными от смущения щеками, — как она снова воскликнула:

— А миска какая красивая! А ластики! Вы сами таких животных вырезали? Ножиком? Ой, а бабочку вы тоже сами придумали? Это квиллинг называется? Я один раз попробовала, у меня ничего не вышло. А блокнотики какие миленькие!

Она так искренне восхищалась, что я на секунду увидела мой письменный стол её глазами. Бывает же так: ты привык к своему жилищу и тебя уже ничто в нём не восхищает, а кто-то придёт, похвалит какую-нибудь ерунду, вроде веточек ивы в стаканчике из-под ряженки на подоконнике, и ты думаешь: а и правда, здорово я придумал. Так и я — увидела на своём столе миллион прикольных штук, и на секунду они снова подняли мне настроение, как в те времена, когда только появились в моей квартире.

А Лиля неумоимо расхваливала каждый предмет, пока не дошла до зарядного устройства, которое я разрисовала замазкой, и не ойкнула. Я сначала не поняла, почему

она ойкает, а потом до меня дошло, и я засмеялась первый раз за день и сказала:

— Ну всё, попалась. Давай его сюда. Подключим.

Лиля покорно протянула мне зарядное устройство. Я подключила его к мобильному, воткнула в розетку, протянула Лиле.

— Алло, мамуля! Нет, я не дома. Я на секундочку забежала во второй подъезд к Наташке перед уроками. Понимаешь, у нас сегодня презентация одного проекта, мы решили всё сделать в стиле оригами, а пару бабочек не успели скатать, так что решили сейчас. Да, прости, мне очень жалко было тебя будить, я знаю, да, прости. Ну мне немножко осталось, вот ещё одну бабочку и цикаду, я быстро, ладно? Я к девяти приду. Да, мне ко второму сегодня. Вот как раз проект надо подготовить. Да, прости, в следующий раз предупрежу заранее, просто только сегодня утром вспомнила и побежала к Наташке.

Когда она закончила разговор, я присвистнула.

— «Ну ты горазд пули лить», — процитировала я, а она закусил губу и отвернулась. — Чего-то я прям не ожидала, что ты так виртуозно врешь. Вообще я думала, ты начнёшь бекать-мекать, а мамаша твоя будет тебя пытаться и догадываться. А ты прямо как по написанному. Оригами ещё приплела. Класс!

— Оригами — это правда! — вспыхнула она. — Я хорошо оригами складываю!

Она потянула носом.

— Не шмыгай, — мрачно велела я, — салфетки на подоконнике. Не для оригами, для носа!

— Вы прямо как моя мама!

Меня это сравнение слегка разозлило. Прячется в моей берлоге от мамаш и меня же с ней и сравнивает. Но сил её поучать у меня уже не было, поэтому я просто сунула ей коробку салфеток («Ой, какая славная! С „Энгри Бёрдс“! Где вы такую купили?»), повалилась на кровать и, нащупав подушку, подсунула её под голову.

Я плохо помню, как мы провели следующий час. Кажется, она собирала фигурки из бумаги, пытаясь доказать, что она «не всё наврала». Как будто бумажная ящерица отменяла её уверенный тон и фразы без пауз. «Алло, мамуля! Я на секундочку забежала к Наташке!»

Ещё она снова восторгалась моими штуками, особенно коллекцией мягких игрушек: Серёня дружил с художницей, которая делала мягких зайцев с большими серьёзными глазами и нестрашных зелёных и фиолетовых монстриков, и на каждый праздник я получала нового «друга». Я иногда проваливалась в сон, а иногда выплывала и что-то отвечала ей. Кажется, диктовала какие-то цифры. То ли дату рождения, то ли номер телефона своего. Что-то ей там нужно было от меня, и я сдала, лишь бы отвязалась. Помню точно, что не имя своё.

В девять утра слова у меня кончились, мысли тоже, веки были как намагниченные, так что я просто молча встала и вышла в прихожую. Там посмотрела на себя в зеркало. «Зелёная, как щавель», — сказала бы про меня мама. А Лиля застряла в комнате. Я вставила в дверь ключ и провернула намеренно резко, с грохотом, чтобы девочка поняла намёк. Лили по-прежнему не было, зато засветилась щель между бабы-Клавиной дверью и полом.

— Ну ты скоро? — раздражённо спросила я. — Ошибки, что ли, в мемах ищешь?

— Простите...

Она появилась в прихожей, шмыгнула носом, сделала бровки домиком.

— Эти штучки оставь для мамы, — предупредила я, — мне на работу к двенадцати.

Лиля кивнула, вышла из квартиры, обернулась и помахала рукой, но я вышла за ней.

— Иди.

— Да я дойду, тут всего два этажа.

Я прикрыла глаза, склонила голову набок и скрестила руки на груди. Когда послышались её лёгкие шаги, я открыла глаза, а когда я услышала: «Ну наконец-то! Лиль, ну ты соображаешь, я могу на работу...» — то, не дослушав, вернулась обратно и хлопнула дверь.

У себя в комнате, растянувшись на кровати, я увидела, что сделала Лилька: прицепила всех зверей, которых подарил мне Серёня, к бортику моей кровати: кого-то — за передние лапы, кого-то за шею. Но теперь они все таращились на меня, словно видели в первый раз. Я фыркнула, и мне вдруг стало уютно, как дома у мамы. Я натянула одеяло до самого носа и выключилась.

Меня разбудил грохот кастрюль. Судя по запаху, баба Клава уже занялась своим мелким бизнесом. Я представила себе, как я вхожу в кухню, а она следит за мною водянистыми, цвета сыворотки глазами, а в кислом воздухе висит вопрос: «Возьми творожку-то хоть грамм на сто, помоги старухе, а?» Я открыла глаза и на секунду увидела квартиру Серёни, которую он снимал в центре, залитую светом, с книжным шкафом, где однажды я нашла «Карлсона», сдула пыль и читала, читала, читала всю ночь. Смеялась. Вспомнила его квартирную хозяйку, в платке с надписью «Венеция» и в пальто вишнёвого цвета. Она всегда приходила по звонку и очень долго извинялась за что-то, прежде чем взять у Серёни деньги. Потом вспомнила Серёнины руки и его мокрую от моих слёз куртку и заплакала.

Звери глазели на меня, но от боли по телеку рекламируют пенталгин, а не вытаращенные глаза и мягкие лапы зайцев и монстриков.

ГЛАВА 4

Ревизор

В нашем районе много разных мест, где можно потусоваться, есть и боулинг, есть и рестораны на любой вкус — и с японской кухней, и с итальянской. Есть и кафешки: попроще — на фудкорте торгового центра, покрасивее — рядом с тем же центром. Но я считаю, что лучший кофе в нашем районе варят за скромной стеклянной дверью заведения, расположенного между аптекой и сберкассой. Наверное, я так думаю потому, что пять дней в неделю этот кофе варю там я.

Я бариста, кофейных дел мастер. Я разбираюсь в кофе, знаю всё о зёрнах, о помоле, об ароматах и, конечно, умею варить его. А также — правильно подавать и, что изумляет моих друзей больше всего, рисовать на поверхности напитка разные узоры: сердечки, листики, следы лапки, даже мордочки животных. Сами кофемейкеры относятся к латте-арту спокойно, то есть когда мы пьём кофе дома, то ничего себе на поверхности кофе не рисуем. Для нас важнее другое — сложный аромат кофе, вкус и послевкусие. Но на посетителей эти штучки действуют. Каждый раз, когда я рисую на капучино розочку или рожицу, слышу восторженное «Ах!», и это приятно.

Вообще, умение добавить правильное количество молочной пены в эспрессо макиато и отличить на вкус марагоджип из Бразилии от такиры из Венесуэлы — это далеко не всё, что должен уметь бариста. Контакт с людьми — вот на что я посоветовала бы сделать упор тем, кто гуглит «как стать баристой» и копит деньги на питерский Институт чая и кофе. Человек приходит за настроением, и ты обязан сделать всё, чтобы оно стало отличным. Бариста должен улыбаться, даже если ему в сотый раз за день приходится объяснять, чем отличается капучино от американо и какое молоко добавляется в топлёный кортадо (топлёное! Тадам!).

Мне вообще кажется, что наша профессия закаляет характер. Ты должен всегда быть

на высоте и в хорошем настроении, что бы ни происходило в твоей личной жизни.

Так что сегодня я шла на работу с надеждой, что рутина дел поможет мне выбраться из болота, в которое я попала благодаря своему несдержанному языку.

Ещё хотелось поговорить с Липатовой. Вряд ли я услышала бы от неё какой-то дельный совет, все свои проблемы, как и проблемы других, я привыкла решать сама, но мне нужно было с кем-то проговорить вчерашний день.

Я подошла к кофейне, взялась за ручку двери и вздрогнула: соединив ладони домиком надо лбом, у двери стояла Зарина и кого-то выглядывала.

— Мать, ты чего? — возмутилась я, открывая дверь. — Зачем людей пугаешь? А стулья почему на столах? Зарин, что с тобой?

Заринка работала в кофейне месяц. До этого — трудилась в «Сбарро-пицце» на фудкорте, грела пиццу в огромной железной печке. У нас она моет посуду, протирает пол и пыль, забирает со столиков грязные чашки, а в свободное время восторгается, как у нас в кафе круто. Потому что на фудкорте она стояла за стойкой одна-одинёшенька, а нас тут много, самое главное, мы все — одна команда, и у нас нет такого: раз ты уборщица, так и убирай грязные тарелки. У нас даже управляющий может и посуду со стола забрать, и заказ на кофе принять. И мы, бариста, тоже, конечно, и посуду моем, и пол протираем, если кто-то что-то разлил, а Зарина не заметила. В общем, у нас демократия, и Зарина чаще всего улыбалась во весь рот, сверкая золотыми зубами (это меня, конечно, в ней поражало — молодая, чуть старше меня, а верхняя челюсть — вся из золота), а сегодня встретила меня не улыбкой, а испуганной гримаской.

Ладно — Зарина, но и Лёвка-бариста, который сегодня открывал кофейню, тоже выглядел растерянным, что уже совсем выходило, как говорится, за рамки.

— У вас обоих такой вид, будто у нас всё молоко прокисло, — заметила я им, развязывая на ходу шарф. — Или у нас в подсобке грабитель? Решил свистнуть пальто, которое висит уже с сентября?

Лёвка слабо улыбнулся и, оглядываясь на папу с дочкой, которые завтракали в углу, пояснил шёпотом, что приходил «какой-то дядька, представительный, явно из какой-то официальной организации» и, строго глядя на Лёвку, требовал менеджера.

— Она не на тебя, она на меня смотрел, — шёпотом повторила Зарина, опираясь на швабру, — она на меня точно смотрел.

Её карие глаза заблестели. До меня дошло: Лёвка бежит от военкомата, а у Зарины что-то с регистрацией. Вот почему они так разволновались.

— Вон она, на улице гуляет туда-сюда, — указала Зарина.

— Не, ребят, так нельзя, — покачала я головой. — Держите себя в руках, что ли.

Я нырнула в подсобку, скинула куртку, натянула футболку с надписью «Какой кофе желаете? Только скажите!», завязала фартук, вымыла руки и вернулась в зал. Улыбаясь, подошла к папе с дочкой и сняла с соседнего стола перевернутый стул. Глянула за окно, на дядьку, который прогуливался перед витриной. Подумала и вышла на улицу.

— Добрый день! — радостно сказала я ему. — Мы можем вас угостить?

Он удивлённо поднял брови, а потом пожал плечами и всё-таки зашёл.

Я усадила его в кресло, так, чтобы было видно телевизор, сделала Лёвке знак: показала два пальца, повернутые вбок, — это был сигнал «один капучино».

— Сейчас я найду пульт, — улыбнулась я дядьке и вернулась к Лёвке за стойку.

— Ты с ума сошла, — прошипел он.

Пачка молока в его руках так и прыгала.

— Дай пульт, — спокойно сказала я. — Вон, справа, за микроволновкой.

Зарины в зале не было, наверное, уже умчалась в подсобку. Я забрала у Лёвки

капучино, на миг соприкоснувшись с его ледяными пальцами, и, хотя у нас было самообслуживание, отнесла кофе дядьке. Включила телевизор и пожелала приятного отдыха. Обернулась и увидела, что Лёвку тоже сдуло ветром в подсобку. Я разозлилась: так и будем бояться всего на свете? А работать кто будет? Поразмыслила и направилась к дядьке.

Через пару минут я ввалилась в подсобку, еле дыша от смеха. Заринка взвизгнула и спряталась под тем самым чёрным пальто, что висело у нас с осени, а Лёвка мрачно поглядел на меня.

— Чудаки! — смеялась я. — Дон Кихоты! Боретесь с ветряными мельницами! Это салфетки!

— Какие салфетки? — не понял Лёвка.

— Дядька ваш! Салфетки принёс! Полотенца бумажные! И туалетную бумагу! А вы — прямо зайчики-побегаиньки!

Лёвкино лицо расплылось в улыбке, а Заринка выглянула из-под пальто, и правда похожая на зайца в кустах. И мы засмеялись уже все вместе.

— Военкомат, регистрация, — веселилась я. — Котики мои, так нельзя — жить в вечном страхе! Расслабьтесь! Прекратите вы носиться каждый со своим тараканом!

— Посмотрел бы я на тебя, если бы за тобой гонялся такой таракан, — обиженно сказал Лёвка, поднимаясь и приглаживая волнистые волосы. — А выражение про ветряные мельницы не употребляется в таком контексте.

— Ой, ой, ой, какие мы учёные, — усмехнулась я. — Ну простите, мы умных книжек не читаем, в литературный институт, как некоторые, не метим. Нам бы кофеёк хороший сварить — вот и все запросы.

— А зря не метишь, — сказал Лёвка и распахнул дверь.

Послышался громкий хохот дядьки, которому я включила «Тома и Джерри».

11+

Автор: НАТАЛЬЯ ВИШНЯКОВА**Обложка: МАРИНА ПАВЛИКОВСКАЯ**

НЕ ПЛАЧЬ

Отрывок*Памяти Гали Божедомовой***КОСТЯ****#не_плачь**

1

Да, у меня есть мечта. Я и не отпираюсь. Конечно, не хочется сообщать о ней всем и каждому, как это делал мой брат-близнец Владик, когда ему было года четыре или даже пять. Он, как только кто-нибудь ему «привет» говорил, сразу слабел духом и раскалывался: «А вы знаете, о чем я мечтаю?» И, не успевали ему ответить, что не знают, сразу продолжал: «Я мечтаю о розовом синем попугае». Тут все принимались смеяться, спрашивать, так о розовом или о синем, а может, о розово-синем, и разве такие попугаи бывают, а Владику становилось обидно, и он сразу убегал в другую комнату вместе со своей мечтой.

Я его очень хорошо понимаю. Разве это дело, когда ты им — о самом, можно сказать, сокровенном, а они — смеяться? Не смеялся только дядя Игорь. Поэтому если я и расскажу кому-нибудь о своей мечте, так только ему, хотя он и редко к нам заходит в последнее время.

Делиться нужно с теми, кому доверяешь. Мечтами, я имею в виду. Хотя вчера я умудрился неудачно поделиться с Юлькой розовым капкейком.

Мы с бабушкой очень любим печь что-нибудь в духовке. Пирожки с капустой, пиццу «Маргариту» и булки «Московские» мы уже освоили. Но недавно нам попался на глаза один журнал, а в нем эти злополучные капкейки. Это такие кексики с шапочкой, их можно украсить как хочешь, и поэтому праздник — не только ими лакомиться, но и придумывать, какими они будут. Нам идея с капкейками ужасно понравилась. И мы решили во что бы то ни стало их испечь.

Они получились, как бабушка сказала, отменные. Мне на завтрак остался один кексик, самый красивый, розовый. Но утром я, конечно, проспал и уже не успевал поесть медленно, с толком. А такие вещи, как капкейк с розовой шапочкой, не прочувствовав по-настоящему, есть не интересно, поэтому бабушка положила его мне в портфель.

А тут Юлька. Я смотрел на нее и думал, что в рюкзаке у меня вкуснейший перекус и можно угостить Юльку, но как его делить, если он крошится и мнется? А целый капкейк мне было жалко отдавать, потому что он на самом деле был очень вкусный и я всё утро о нем мечтал. Но и съесть одному теперь, когда мне пришла в голову мысль угостить Юльку, я уже не мог.

И вот я думал, думал, думал, прямо зрел изнутри — и созрел. Решительно достал из пенала линейку, резким движением поставил ее ребром на голову капкейку и одним нажатием перерезал его пополам. Вот и всё.

А она, эта Юлька, посмотрела на меня своими непонятного цвета глазами и говорит:

— Спасибо, не надо.

Я говорю: да чего ты, это же очень вкусно, я сам пек. А она:

— Мне не хочется сладкого.

Покосилась на этого... Субботина, он рядом стоял, хотя и спиной. И отвернулась, как будто я ей цветной капусты предложил пожевать и вареным луком закусить.

Тогда я съел всё сам, сначала одну половину, потом другую. Капкейк был самый обыкновенный, ничего такого волшебного в нем не обнаружилось, и я подумал, что запросто мог бы вообще его не есть. И печь я эти капкейки больше не буду. Какой смысл?

2

Моя мечта — она такая, ни на что не похожая. Когда придет время и я буду рассказывать о ней дяде Игорю, я его сначала предупрежу, чтобы он не очень удивлялся, а то еще в обморок упадет от неожиданности. Мне папа рассказывал, что, когда они с дядей Игорем давным-давно, еще в советские времена, учились в школе, дядя Игорь однажды потерял сознание и шмякнулся прямо на пол в коридоре.

Случилось это так. Заканчивалась длинная третья четверть, до каникул оставалась неделя. И папа с дядей Игорем, чтобы как-то дожить до каникул, составили список, сколько неприятных вещей осталось сделать за неделю — ну там два раза спуститься в спортивный зал на физкультуру, пять раз

позавтракать в школьном буфете, десять раз переодеть сменку и так далее. Всё-всё посчитали.

А листок, на котором это было записано, папа с дядей Игорем прятали в специальное место под лестницей. Никто не должен был знать о тайнике. Каждый день после уроков заговорщики прокрадывались под лестницу: дядя Игорь вычеркивал прожитое за день, а папа посматривал, чтобы никто их не увидел. Вроде ничего преступного они не делали, но всё равно неприятно, когда кто-то лезет в твою тайну. Можно поделиться всем — яблоком, запасной ручкой, домашним заданием, — но тайной — будьте любезны! Тайна должна всегда ходить за тобой, как тень, и ни к кому не перебегать.

И вот в пятницу, прямо перед каникулами, папа с дядей Игорем спустились к своему тайнику в последний раз, чтобы достать тетрадный листок в клеточку и торжественно вычеркнуть оставшиеся пункты. Дядя Игорь достал листок, развернул, но это оказался вовсе не список скучных дел, а кое-что совершенно иное.

«Игорь, я тебя люблю», — было написано мимо всех клеток. Дядя Игорь как это увидел, так вдруг и упал — в прямом смысле, повалился как мешок, разлегся на лестнице с открытым ртом и закрытыми глазами. Папа тогда страшно перепугался, стал звать на помощь, тормошить бесчувственное тело друга.

Но и разозлился сильно.

Потому что почерк в записке был мамин.

3

Только не надо думать, что я мечтатель без силы воли и серьезного взгляда на жизнь. Во всех книжках такие типы выглядят одинаково тошнотворно: кудри, большие прозрачные глаза, задумчивый взгляд. А у меня уши торчат и стрижка под лохматого ежика. Но мечта — самая настоящая.

Юлька как-то спросила: «Ты за меня мог бы убить?» Я говорю: «А зачем?» Она обиделась. Кивнула так, как будто что-то обо мне поняла, и это окончательно. А вчера мне вдруг пришло в голову: а мог бы я убить за свою мечту? Кого-нибудь, кто ходит и дышит, смеется и бесится на переменках, играет в футбол и с тарзанки в воду прыгает? Такого же, как я? И, как и тогда, с Юлькой, не смог ответить. Потому что всегда встает другой вопрос: зачем? Но зато почти сто процентов, что за эту мечту я сам смог бы героически пасть — как в тонких книжках про мальчиков, совершавших подвиги. Наверное, смог бы.

Так вот, мама, папа и дядя Игорь учились в одном классе. Папа с дядей Игорем дружили, а мама им всячески вредила, разрушая крепкую мужскую дружбу.

Но дружба папы и дяди Игоря прошла все испытания огнем, водой и маминой вредностью. Тем более что в старших классах мама неожиданно расколдовалась и превратилась в красавицу с хорошим характером.

Она у меня такая — ее всё время нужно расколдовывать.

Однажды, когда у родителей уже были мы с братом, мама не пришла домой. Позвонила папе и сказала, что встретила кого-то там и уезжает с этим кем-то в другой город, «подальше от этого всего» и что она «больше так не может». Папа ужасно расстроился и даже превратился в не-папу: не шутил, не брился, не гулял с нами в парке, как раньше, зато всё свободное время сидел на кухне и смотрел в одну точку — в телевизор.

Хорошо, что мы до маминого ухода успели отпраздновать наш с Владиком день рождения, а то бы он своим кислым видом испортил нам радостный день, которого мы, между прочим, ждали целый год.

Через месяц папа все-таки побрился, взял Владика на руки, зачем-то забрал кактус с подоконника и тоже ушел неизвестно куда. И остались мы с бабушкой вдвоем. Сейчас уже прошло достаточно времени, чтобы я привык жить вдвоем, а не впятером. Но мне всё равно кажется, что утром, когда я еще не весь проснулся, рядом со мной стоят и мама, и папа, и Владик. Поэтому я никогда не приближаюсь к людям вплотную — ведь это место занято, понимаете?

Папа иногда приезжает, примерно раз в месяц. У них с Владиком уже всё хорошо, они живут в большом новом доме, Владик ходит в школу и на футбол, и еще в фотокружок и всё такое. Из папиных рассказов я не понимаю, помнит он обо мне или давно забыл, что у него есть старший брат. По папиным рассказам, Владик всегда передает мне привет, но кто знает, может, папа говорит это из вежливости, чтобы я не обижался.

Папа иногда приезжает, да. Мама — никогда. Я такой и запомнил ее, какой она была в то утро, когда ушла на работу и не вернулась — в белом плаще и яркой косынке на шее. Она пахла весенними духами и улыбалась. Я никак не пойму: она же знала, что больше не придет никогда? Или она встретила кого-то там позже, по дороге на работу? Или вечером, когда спешила с работы домой? Вот она зашла в гастроном, купила килограмм сосисок и батон, огурцов для салата и пачку чая. Немного постояла в очереди к кассе, расплатилась, стала выходить из гастронома с покупками, и тут — бац! — навстречу ей кто-то там ошеломляюще красивый и с цветами. Он ей сразу и сказал — «позвони домой, что больше не придешь и уезжаешь в другой город».

Она позвонила, а потом они наши сосиски съели.

Наверняка так всё и произошло. Я даже уверен в этом — ведь не было дня, чтобы я не представлял себе эту историю во всех подробностях. Иногда я вижу, как кто-то там распыляет вокруг мамы волшебные духи, не весенние, как она любит, а какие-нибудь жаркие, летние, и она забывает, что на свете есть мы с Владиком.

А иногда мне всё представляется совсем без волшебства, и тогда вокруг мамы и кого-то там идет противный, серый, склизкий дождь.

Да я, в общем, совсем привык. Бабушка у меня молодая, веселая и быстрая. Но не настолько молодая, как мама, и совсем не такая веселая, как папа. Совершенно по-другому.

И еще я до мурашек соскучился по Владiku. Он же мой близнец, в конце концов! Хотя и младший.

4

Моя мечта похожа на бабушку. Не на мою, конечно, потому что моя бабушка никогда не надевает то, что полагается пенсионерке с двумя внуками, — платок там или халат в цветочек. Моя бабушка занимается йогой и рисует городские пейзажи. И ее никто никогда не называл просто по отчеству, как нашу консьержку — Петровна.

Зато мою мечту, если бы она ненадолго превратилась в человека (пока я сплю, например), можно было бы звать по-простому — Ивановна. Потому что она — матрешка, которую бабушка хранит в серванте. Когда бабушка уходит в магазин или к соседке, я достаю Ивановну и разговариваю с ней. Всё равно она никому никогда не скажет, о чем мы шептались, — все слова проникают внутрь, проходят сквозь семь матрешек и прячутся в сердце самой маленькой.

Там и моя мечта хранится.

По-хорошему, в моем возрасте уже пора мечтать о будущей профессии. Но тут загвоздка в том, что мне нельзя ошибиться. Ведь в будущем я стану преуспевающим, богатым и знаменитым, может быть, даже красивым, и Владик, мама и папа, узнав об этом, снова соберутся в семью, простят друг друга, и мы опять обязательно заживем впятером, а не вдвоем, как сейчас, хотя мне с бабушкой хорошо, даже иногда великолепно.

Как человек выбирает профессию? Берет список из нескольких тысяч работ, читает. Потом вычеркивает те, которые уж совсем никуда. Мне, например, вряд ли когда-нибудь светит стать спортсменом, так что уже легче. После вычеркивания остается тысяча. Тоже много. Из этой тысячи нужно вычеркнуть не очень престижные и малооплачиваемые. Мне, как мужчине, это важно —

мне же потом семью кормить все-таки. Остается гораздо меньше — допустим, восемьсот. И среди них нужно отыскать те, которые тебе нравятся больше других в списке. Не президент там Газпрома или актер театра и кино, а те работы, которые получатся у тебя лучше всего.

У меня лучше всего получается готовить еду. Не знаю, может, у меня талант. Даже Юлька заметила. «Вот окончу школу, — говорит, — и буду в твоём ресторане обедать. Будешь меня кормить, Веревкин?» И смеется. Как всегда, смеется и щурит свои глаза непонятного цвета.

Бабушка тоже недалеко ушла. Всё время как бы изумляется: «Неужели, Константин, ты действительно собираешься стать поваром? У нас в роду не было никого, кто хотел бы с утра до вечера стоять у плиты». И по всему видно, что повар для нее — профессия скучная и мало-почетная. Она бы ее вычеркнула в первую очередь.

Но при этом в корзине, которую мне подарили на день рождения «от семьи», я нашел большую книгу рецептов Джейми Оливера.

С тех пор, как наша семья уменьшилась до двух человек, день рождения у меня начинается одинаково: я просыпаюсь, а у кровати стоит большая корзина с подарками. На каждом подарке подписано «от папы», «от мамы», «от Владика» — но, конечно, я давно догадался, что на самом деле все эти подарки от бабушки. На Джейми Оливере было по-честному написано — «от бабули». Видимо, она понимала, насколько Джейми Оливер круче бинокля и микроскопа вместе, и не смогла подписаться не своим именем.

Джейми Оливер — мой кумир. У него всё здорово получается, а главное, быстро. Когда я впервые увидел его передачу по телевизору, мне показалось, что я с третьего этажа мгновенно переселился на сто третий.

Может быть, если бы вместо дяди Игоря к нам неожиданно пришел Джейми Оливер, я бы и ему рассказал всё как есть. Он бы точно понял.

5

Когда я о своей мечте думаю, всегда о Владике вспоминаю. Как ни посмотри, а все-таки мы очень похожи. Во всяком случае, были похожи лет до четырех, а как сейчас, не знаю.

Он ведь тоже до трех лет совсем не ходил, и все думали, что он будет как я, но мне кажется, он притворялся из солидарности — мы же близнецы. Просто не хотел, и всё. А потом устал, наверное, ждать, когда его старший брат пойдет, и перестал притворяться. Я всего этого совсем не помню, но почему-то уверен, что так и было.

Бабушка говорит, что до трех лет он сидел под табуреткой в кухне. Каждое утро заползал под нее и там жил: играл, смотрел мультики, ел, разговаривал оттуда со мной и со взрослыми. А когда ему исполнилось три — вот прямо чуть ли не в наш день рождения, — вылез и пошел. Все, конечно, страшно обрадовались. И стали надеяться, что со мной тоже случится чудо. Хотя все доктора сразу сказали, когда я только родился, — надежды нет. Скажите спасибо, что мозги в порядке.

Я даже не обижаюсь, в конце концов, у меня есть брат-близнец, и он сейчас где-то бегаёт за нас двоих. Но однажды мне попалась книжка, в которой герой выбежал из квартиры на лестничную клетку, вскочил на перила и лихо съехал по ним вниз. Вот это меня почему-то зацепило. Сотни героев в сотнях книжек с утра до ночи гоняют мяч, бегают кросс, лазают по деревьям, делают ногами уйму невероятных и часто совершенно бессмысленных с точки зрения использования этих самых ног вещей, но эти перила в меня прямо врезались. Я потом даже неделю ничего не читал — вдруг и там тоже кто-то едет по перилам вниз.

Если бы я мог пообщаться с Владиком, я бы обязательно уговорил его научиться съезжать по перилам. Мне и вправду кажется, что это ужасно важно. Юлька бы тогда поняла, какой я на самом деле. И уже больше не делала бы вид, что меня нет.

Бабушка, когда я завел беседу на эту тему, и слушать не стала. Хотя обычно она до ужаса терпелива ко всякой болтовне — рассказываются занятия йогой. Она много слушает и мало говорит. Зато всегда в точку. А когда я сказал про перила, она вдруг перебила меня и начала, глядя мне прямо в глаза, убеждать:

— Тебе это не нужно! Не нужно, понимаешь? Ты и без этой езды по перилам самый лучший внук на свете! Это я тебе точно говорю, Костя, ты меня знаешь, я никогда не вру! Подумаешь! Да я сама в детстве пробовала по перилам скатиться!

— И как? — не выдержал я.

— Да никак, — досадливо отмахнулась бабушка. — Отбила только себе всё. И сразу решила: больше — никогда! И тебе не советую.

Так я в первый — и единственный — раз узнал, что я — лучший внук на свете. Бабушка всегда разговаривает со мной так, как будто не знает, что я не могу ходить. Как будто это только всем кажется — всем, кроме нее. Это, наверное, на нее так занятия йогой действуют. Иначе как это объяснить? Она же не слепая.

6

Если бы я точно знал, что мечтать можно о нескольких вещах одновременно, я бы много чего задумал. Например, я бы ужасно хотел, чтобы Алексей Иванович однажды взял да и поставил мне настоящую, полновесную, заслуженную пятерку. Мы с бабушкой тогда, наверное, устроили бы себе грандиозный праздник: испекли бы огромную пиццу, сделали лимонад и валялись на диване, как будто у нас других дел нет. И за уроки я бы в этот день вообще не садился.

Алексей Иванович — мой самый любимый учитель. Несмотря на то, что он преподает у нас самое ненавистное, что вообще может быть, — алгебру и геометрию. И хотя у меня явно очень мало шансов стать великим математиком, уроков Алексея Ивановича я жду, как никаких других. Он не рассказывает нам историй из своей жизни, не показывает фотографии своего взрослого ребенка и кота, не обещает нам сходить летом в поход — хотя последнее меня мало касается. Но на его уроках мы сидим тихо, как мыши, а домашку делаем в обязательном порядке. Потому что он — ну просто очень хороший человек. А обидеть хорошего человека — самое распоследнее дело, это каждый знает.

Да, я хожу в школу. Школа тоже очень хорошая. Официально в нее принимают одаренных детей, но, поскольку она находится в нашем дворе, меня тоже приняли.

Всё происходит очень просто: бабушка довозит меня до охраны, а оттуда меня забирает дежурный одноклассник. Здорово, что некоторые кабинеты, как наш, находятся прямо на первом этаже.

Первые четыре года я учился дома, и это было не очень хорошо. Бабушка решила, что сможет учить меня сама, без посторонней помощи. И вроде всё нормально было, она учила, я учился, но с ней я разлеился и разбаловался, так что бабушка какое-то время продержалась, а потом сходила в мою будущую любимую школу и договорилась, что к нам домой будут приходить разные учителя в свободное от работы время. Тут-то я и понял, что школа — дело серьезное.

Особенно когда в нашу дверь вдруг вошел Михаил Арташесович — учитель физкультуры. Я ему сразу сказал про врачей и про «надежды нет». А он принес мне резиновое кольцо — кистевой эспандер — и велел наращивать силу рук. Ну, я теперь и наращиваю. А что? Вдруг я все-таки стану поваром и мне понадобятся сильные кисти?

Когда в классе объявили, что на следующий день к ним приеду я, только Юлька вызвалась помогать мне с передвижением.

— Привет, — говорит. — Меня Юля зовут. Поехали скорее, а то сейчас звонок будет.

Я как увидел ее глаза непонятного цвета, так и заблеял, как коза и семеро козлят:

— Приве-е-ет. Я К-к-костя...

Она говорит:

— Я знаю.

А я думаю: «Всё. Теперь она решит, что я идиот и неинтересный собеседник».

И, скорее всего, так и получилось. Пару месяцев она возила меня по маршруту «охрана — класс» и «класс — охрана» и носила мне из буфета завтраки, но, как только я обращался к ней не по делу, тут же косилась на своего Субботина и превращалась в каменную скалу и ледяную глыбу.

А потом ребята ко мне привыкли и стали возмущаться, что меня одна Юлька возит. Сейчас ее дежурство выпадает раз в два месяца — это если не считать каникул, без которых, если честно, было бы гораздо лучше. И без выходных.

7

С тех пор, как Михаил Арташесович научил меня серьезно относиться к своему здоровью, я ни дня не могу прожить без упражнений. Оказалось, что заниматься физкультурой могут даже такие, как я.

Теперь ручной эспандер — мой лучший друг. Я, когда им работаю, представляю, как это пригодится мне в будущем. Вот я пеку блины, играючи перебрасывая сковородку из одной руки в другую. Или идем мы с Юлькой вечером по бандитскому району, а навстречу хулиганы. Лучше, конечно, если один хулиган, а то Юльке тоже придется драться, а ей в этой ситуации нужно быть принцессой. Так вот, он ко мне так наклоняется и наглым тоном говорит: «Закурить не найдется?» И тут я ему — р-р-раз, и приемчик! И — «пойдем, Юля, отсюда, здесь не уважают физкультуру и спорт». Я прямо вижу, как она на меня смотрит этими своими глазами.

На меня вообще-то многие смотрят, и это не так уж и приятно, я вам скажу. Когда люди делают вид, что не замечают меня, даже лучше получается. Понятно, что всё идет по плану. А бывают такие дни, что хоть стой, хоть падай.

Однажды к бабушке в гости приехала ее старая, сто лет назад потерянная подруга. Когда она вдруг отыскалась и появилась на бабушкином горизонте, бабушка страшно обрадовалась. Накрыла стол, сделала прическу, похожую на ту, которая была у нее в молодости, и даже пропустила йогу. Я было сказал «ага!», но бабушка быстро объяснила мне значение слов «уважительная причина», и я понял, что прогулять школу мне не удастся никогда, даже в надвигающемся

на меня, как тайфун, подростковом возрасте, когда у меня начисто снесет крышу и потянет на подвиги.

И вот час встречи верных подруг пробил. Я вздохнул с облегчением — всю неделю мне пришлось слушать бесконечную историю о дружбе двух мушкетерш, их приключениях и достижениях. Глядя на свою собственную бабушку, я ни капли не сомневался, что всё так и было. Но чтобы на свете существовала вторая такая же бодрая пенсионерка, от которой всего можно ожидать!

Я сидел в своей комнате и слышал, как заверещал звонок.

— Мариночка!

— Тонечка!

Следом за этим раздались охи, всхлипы и взвизги, местами переходящие в предгрозовые крики ласточек. Когда звуковой ряд начал походить на человеческую речь, я понял, что мне самое время появиться на сцене — то есть в дверном проеме.

— Это мой внук Константин, — представила меня бабушка.

Не знаю, может, когда-то ее подруга и была молодой, но в тот день она оказалась толстой и довольно суетливой женщиной с мелкими кудряшками на круглой голове. Она смеялась и радовалась встрече с бабушкой, но при виде меня выражение ее лица резко изменилось. Нарисованные брови поднялись, губы вытянулись в трубочку. А потом начался кошмар. Она бросилась ко мне и рыдающим голосом принялась меня утешать:

— Ой, бедненький! Ой, это ж беда какая! Такой маленький — и навсегда в этой коляске! Да что ж это такое делается! Ты не плачь, не плачь, — я и не собирался, — и без ножек можно жить, вот мой сосед по даче — он сейчас на заслуженном отдыхе, а раньше как сыр в масле катался, ему много подавали, — и что-то еще в таком духе, я уже не помню.

При этом она без остановки гладила меня по голове, как маленького. Я хотел уклониться, но не мог — был зажат в дверном проеме.

Из трех героев этой сценки двигался только один (хотя и за всех троих), остальные двое остолбенели. Потом бабушке удалось побороть крайнюю степень изумления и вставить пару слов:

— Антонина, что за цирк?

Ничего не изменилось: подруга редела белугой, я был в плену дверного проема. Тогда бабушка сделала какое-то неуловимое движение. Я сначала подумал, что она хочет обнять старую подругу, но она рукой быстро залепила ей рот.

— Да заткнешься ты когда-нибудь?! — возмущенно закричала она. Ты не в себе? Совсем уже, что ли?

Подруга замолчала, но было видно, что поведение бабушки ее изумило. Согласен, прозвучало всё это не очень-то вежливо.

— Но как же?.. — спросила она, освобождаясь из бабушкиного захвата. — Ведь больной ребенок... Ведь калека... Жалко...

И вот тут моя всегда невозмутимая, как индеец чероки, бабушка крепко взяла подругу под руку и решительно вывела ее на лестничную клетку. И закрыла дверь на замок.

Праздник кончился, не успев начаться.

Бабушка повернулась ко мне, осмотрела меня с ног до головы, убедилась в том, что мне удалось уцелеть и остаться невредимым, и сказала то, что я меньше всего ожидал от нее услышать:

— У индейцев существует пословица: «Есть много способов пахнуть скунсом».

Потом крепко зажмурилась и замычала, как будто у нее внезапно заболели все зубы:

— А ведь я сейчас могла быть на йоге!

И, отжмурившись обратно, решительно направилась на кухню:

— Прошу к столу!

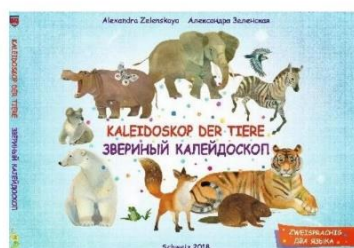
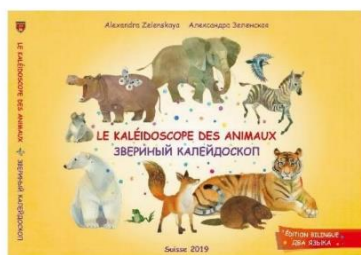
Меня особо не тронула эта история — всё произошло так неожиданно, что я ничего не понял. Хотя было жалко, что бабушка обманулась в своих ожиданиях от встречи с молодостью. Но именно тогда я начал подозревать: моя бабушка индеец. Хотя бы наполовину.

SANDERMOEN
PUBLISHING

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ОНЛАЙН
www.sandermoenpublishing.com

КНИГИ НА РУССКОМ И ДВУЯЗЫЧНЫЕ ИЗДАНИЯ:
детская и художественная литература,
познавательные книги и публицистика

С ПОЖЕЛТЕВШИХ СТРАНИЦ

13+

Автор: ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ**Иллюстрации: МИХАИЛ ВРУБЕЛЬ, ИВАН АЙВАЗОВСКИЙ**

ВТОРАЯ НИНА

Глава третья БАЛ. ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ТУР ВАЛЬСА

М. Врубель. Девочка на фоне персидского ковра, 1886 г.

Прошло более двух недель со дня моего приключения в горах. Кости Смелого были, должно-быть, давно растащены стараниями голодных волков и чекалок; новый друг сменил в моем сердце погибшего коня. Алмаз сразу стал для меня незаменимым. Я гордилась им и лелеяла его. Конь был красив на диво и неспокоен, как настоящий дикарь. Я исподволь приучала его повиноваться мне и, странное дело, маленькой руке подростка Алмаз подчинялся охотнее, нежели сильным заскорузлым рукам наших казаков.

Приближалось 10-е мая - мой день рождения, мне исполнялось пятнадцать лет.

Я получила чудесные подарки от отца и Люды, а вечером отец устраивал в мою честь бал для русского и грузинского населения Гори.

Я не люблю балов, не умею танцевать и презираю светское общество, но не хотела возражать ради папы, который желал как можно скорее показать обществу свою почти взрослую дочку.

С обеда Люда и я нарядились в лучшие платья и приготовились к встрече гостей. На Кавказе темнеет рано, и немудрено поэтому, что в девять часов вечера в доме уже зажглись огни... Сонная Маро расставляла по углам парадных комнат пахучие кальяны. Михако с двумя денщиками уставляли бесчисленные столики тяжелыми подносами со сладостями вроде сушеных фруктов, свежих персиков и восточных конфет; тут же ставились кувшины ароматного щербета и подслащенного ананасового питья. С этими чисто восточными лакомствами соседствовали европейские - петербургский шоколад и московские конфеты.

Аршак, туго затянутый в новый праздничный бешмет, с осиной талией и в лихо заломленной на бок папаше неслышно скользил по ковру в новых мягких чувяках. Люда расставляла на чайном столе всевозможные печенья и варенья, которые составляли неотъемлемую принадлежность нашего дома.

Я бесцельно слонялась в своем нарядном платье и не знала, куда определить себя. Нарядное платье жало под мышками. Грудь теснило от непривычной шнуровки. И платье, и шнуровка несказанно раздражали. Сорвать бы все это и облачиться в любимый верховой бешмет с продранными локтями!

С недовольной гримасой, красная и надутая, я попала на глаза отцу. Не замечая моего раздражения, он ласково удержал мою руку и, заглянув в глаза, нежно сказал:

– Совсем, совсем взрослая барышня. Невеста!

Я нахмурилась. Я не любила, когда говорили так. Барышня... Невеста... Я находила нечто оскорбительное в этих словах.

Но папа, по-прежнему не замечая моего настроения, продолжал взволнованным голосом:

– И какая ты стала красивая, Нина! Очень красивая...

И такой тебя увидит сегодня весь Гори. Постарайся же быть милой, любезной хозяйкой, дитя! Сбрось свою обычную застенчивость, хотя бы на время. Не дичись. Будь настоящей молоденькой хозяйкой. Не правда ли, ты стараешься доставить мне удовольствие, Нина?

Доставить ему удовольствие? О, чего бы только ни сделала я, чтобы он был доволен! Я охотно дала бы отрезать свою правую руку, лишь бы согнать это облако печали, которое почти никогда не сходило с его лица. Но как же трудно, как ужасно трудно для меня быть любезной и милой с его напыщенными и надутыми гостями!

– Я постараюсь, отец! – пообещала я, наскоро поцеловав его большую белую руку и, чтобы отец не успел заметить охватившего меня волнения, поспешно вышла в сад.

Излишне говорить, как я была недовольна и ожидаемым балом, и предстоящей мне ролью молодой хозяйки, в чьи обязанности входило занимать всех этих барынь и барышень, которые должны были приехать из Гори, Тифлиса и Мцхета, пышно разряженных и надушенных так обильно и резко, что у меня всегда кружится голова.

"И к чему этот бал? И к чему гости? - внутренне негодовала я. – Лучше бы, вместо бала, отпустили меня в аул к дедушке Магомету!.. Славно у него там, в Дагестанских горах! Скалы террасами упираются в небо, громоздясь до самых облаков... Бездны, словно черные чудовища с раскрытой пастью, стерегут добычу. Там не надо носить узкого корсета и длинного платья, в которое с некоторых пор особенно старательно затягивает меня Люда. Там мои шальвары, пропитанные лошадиным потом, и разодранный костюм были бы к месту! Там живет старый наиб, второй мой дедушка, бек-Мешедзе, отец моего отца, но враг нашей семьи. Там красавица Гуль-Гуль, моя младшая тетка, сестра отца, распевает от зари до зари веселые песни. Там старшая тетка Лейла-Фатма, о которой я слышала так много странного, открывает будущее посредством гаданья. Там джигитовка и лезгинка сменяют на закате солнца трудовой день. Ах, хорошо там! Чудесно!"

Я взглянула на небо... Молодой месяц, прячась в облаках, словно украдкой посылал свой свет в чинаровую рощу.

"Вот этот самый месяц! – думала я со сладким замиранием сердца, – светит и над аулом Бестуди, родным аулом моего покойного отца и моей красавицы-матери, откуда они убежали оба, чтобы стать русскими... Что им понравилось в жизни русских? Не понимаю. Будь моя воля, сейчас же я сбросила бы этот нежный, как белое облако, бальный наряд и заменила его грубым суконным бешметом лезгинских джигитов. Я распустила бы мои черные косы и лезвием кинжала срезала волосы. Я бы стала ходить, как мальчики, и никто не узнал бы сиятельной барышни, обреченной на зубрежку французских глаголов. Аул Бестуди, сакля моей матери и родина Керима! О, зачем я так далеко от вас!

Родина Керима!

Керима?

Где теперь этот Керим? Куда забросила его бродячая жизнь душмана? Не сдержал он своего слова. Не пришел в гости. Забыл. Какое ему дело до новой куначки – скромной уруски девочки-подростка? Ему, известному своей отчаянной храбростью от Куры и Арагвы до Риона, до шумной Койсу и других истоков Аварской страны!"

– Нина! Нина! – послышался голос Люды с балкона, – иди скорее! Гости съезжаются!

Тотчас воспоминания и грезы оборвались, как тонкая нить, и неизбежная действительность явилась мне во всех своих постылых подробностях.

Я и не заметила, как прошло время, как наш старый дом, всегда несколько пустынный, ожил и преобразился. Теперь в окнах мелькали нарядные дамские туалеты и обшитые золотыми галунами мундиры военных.

– Нина! Нина! Где ты? – в голосе Люды слышится самое настоящее отчаяние.

– Шалунья Нина! Маленькая дикарка! Вот постой, я отыщу тебя! Будет тебе прятаться в темноте! Мы ждем тебя, маленькая сирена! – присоединился к призыву Люды звучный, сочный женский голос.

О, я знаю этот голос. Хорошо знаю! И боюсь, и не люблю его. Княгиня Тамара Соврадзе, урожденная княжна Кашидзе, которая любит и умеет подшутить над моим дикарством.

Тамара Соврадзе показалась в одном из окон. Она смотрела в сад, сощутив близорукие глаза. Неужели она высматривает меня? Зачем? Должно быть, от скуки...

Так или иначе, едва я вошла в ярко освещенный зал, Тамара завладела мной.

– Покажись! Покажись-ка! – кричала она, тормоша меня и поворачивая во все стороны.

Очень, очень мило! Вы с большим вкусом одели девочку, милая Люда! Очень, очень мило. Но этот мрачный вид... Этот трагический вид не идет к танцевальному вечеру, дорогая Нина! Перемените его! Перемените скорей, маленькая дикарка.

Зачем она говорит по-французски? Я не люблю французского языка, потому что понимаю его не лучше конюха Аршака, хотя Люда прилагает немало стараний, чтобы выучить меня этой светской премудрости... То ли дело лезгинский язык! Сколько в нем музыки и поэзии! Он сладок, как голос буль-буля, как серебряная струна чонгури или звон горного ручья.

И ведь Тамара никогда не говорила по-французски, пока не вышла за старого, толстого князя Соврадзе. Удивительно, как положение меняет людей!

– Улыбнись же, девочка. У тебя замечательно красивые зубы, а ты будто нарочно прячешь их ото всех! – продолжала мучить меня несносная Тамара, подняв за подбородок мое лицо.

Словно я маленькая девочка! Впрочем, фамильярный жест княгини и мне позволяет рассматривать ее лицо, и я не без злорадства отмечаю признаки увядания. На востоке женщины старятся рано, а Тамаре уже минуло тридцать лет.

– Мадемуазель не устаивает нас своей улыбкой! – послышался за моей спиной гортанный картавый говор, – мадемуазель слишком горда.

Оборачиваюсь. Стоит об руку с дочерью горийского судьи, зеленоглазой Мари Воронковой, адъютант папы, Сергей Владимирович Доуров, армянин по происхождению и самый несносный человек в мире, какого я когда-либо встречала. Упитанное, самодовольное лицо расплылось в фальшивой улыбке. Глаза неприятно щурятся за золотым пенсне.

Мари Воронкова хихикает, точно Бог весть какую умную фразу сказал ее кавалер.

Душа моя немедленно закипает гневом. Да как он смеет так щуриться и улыбаться! Говорить со мной, как с ребенком? Дерзко глядя ему в глаза, громко говорю, отчеканивая каждое слово:

– Вам я не считаю нужным улыбаться!

– А почему, смею спросить? – позеленев от злости, Доуров старается сохранить, как говорят, хорошую мину при плохой игре.

– Да хотя бы оттого, что вы мне неприятны! – громко расхохотавшись, почти в голос кричу ему я и, как ни в чем не бывало, отхожу к окну, очень довольная своей местью.

– *Enfant terrible!* – шепчет мне вслед Тамара.

– Просто невоспитанная девчонка! – роняет дочь горийского судьи, обиженная за кавалера.

Но я не обращаю внимания на все это. Мимо меня проходит Андро. Князь Андро Кашидзе. Брат Тамары и мой дальний родственник. Я очень люблю этого человека, потому что он не похож на других.

– Кузен Андро! Кузен Андро! – шепчу я, подите сюда.

Он растерянно останавливается посреди залы, недоумевая, откуда слышится шепот. Потом открытая улыбка освещает его умное некрасивое лицо. Заметив меня, Андро подходит.

– Та-та-та! Вот вы где, маленькая кузина!

– Андро! Милый Андро! Вы любите Доурова? – Хватая его за руки, спрашиваю я.

– Адъютанта? Б-р-р-р! – говорит он тихо и внушительно, сопровождая свои слова такой комической гримасой, что я покатываюсь со смеха.

– Так подите и укусите его от меня! – хохочу я, как безумная, и так ужасно разеваю рот, что проходившие мимо полковые барыни отскакивают от меня, как от дикой лошади, которая собралась лягаться.

– Что вы, что вы, маленькая кузина! Не заставляйте меня играть роль хищной чекалки! – В тон мне, дурачась, отказывается Андро.

Милый Андро! Он один умеет любить меня! Он один сочувствует мне за это длинное платье, в котором я глупо и бестолково путаюсь каждую минуту, и за ненавистную узкую шнуровку... Милый Андро! Как я люблю его!

Я готова расцеловать это бледное рябое лицо, изувеченное багровым шрамом, и его коричневые, заскорузлые, как у осетина-работника, руки! Но я только шепчу с тоской:

– Как мне скучно, Андро!

– Что вы! Что вы! Нареченная знатная дочь богатого генерала, для которой вся жизнь должна быть дивной сказкой, вдруг жалуется на скуку и - когда же? В день своего рождения, на веселом балу, устроенном в ее честь. Опомнитесь, Нина, что с вами?

– Моя жизнь – скачка в горах, Андро! Я хочу в горы! – шепчу я с отчаянием, и лицо мое, должно быть, выражает самое неподдельное горе, потому что Андро беспокойно топчется на месте и бормочет, будто ему приходится утешать совсем глупенькую маленькую девочку:

– Сейчас начнут танцевать! Сейчас! Сию минуту!

Танцевать! Так вот чем он думает меня утешить...

Люда проходит мимо с двумя дочерьми командира казачьей сотни и знаком подзывает меня к себе.

– Займи барышень, Нина. Будь любезной хозяйкой, – шепчет она чуть слышно. Меня точно водой облили.

"Займи барышень!" – Хорошо ей говорить это! Я решительно не знаю, о чем говорить с ними и чем их занимать. Обе розовые, упитанные, всем довольные толстушки...

– Какие у вас прелестные глазки, княжна! – говорит старшая из сестер, Тони.

– И зубки! Ах, чудо! Когда вы улыбаетесь, вы просто душончик! На вашем месте я улыбалась бы каждую минуту, – вторит младшая, от которой несет как раз теми крепкими пряными духами, которые я всей душой ненавижу. Мало того, барышня чмокает меня в щеку!

Я не терплю поцелуев. Чтобы как-нибудь обуздать неуместный восторг барышень, начинаю хвалить моего Алмаза.

– Славный жеребец! – говорю я, ухарски ударяя себя по колену.

Они смущаются, краснеют и потупляют глаза. Моя мальчишеская манера выражаться вовсе им не по вкусу.

– Вы любите кататься верхом, княжна Нина? – спрашивает одна, искренне стараясь скрыть неприятное впечатление, произведенное моею выходкой.

– Еще бы не любить! – восклицаю я. – Да я готова день и ночь не расставаться с моим Алмазом, спать у его ног в конюшне, есть черный хлеб с солью, который он ест...

– Но в конюшне так дурно пахнет! – говорит старшая, Тони, и брезгливо морщит хорошенький носик.

– Пахнет навозом, – преувеличенно громко выкрикиваю я, внезапно избавляясь от моей обычной застенчивости. – О, это самый здоровый воздух, уверяю вас! По крайней мере от него не кружит голову, как от ваших модных духов... Честное слово!

– Боже! – шепчет в отчаянии вторая из сестриц, Лиза, с неподдельным ужасом уставясь на меня сквозь лорнет своими близорукими глазами.

Я внутренне хохочу над ними. Душа моя ликует. Заняла гостей, нечего сказать! Долго будучи помнить...

Звучные, радостные, ошеломляюще-тревожные звуки вальса наполняют зал. Два казака-офицера из подчиненных отца подходят к нам. Но их опережает Доуров.

– Un tour de valse, мадемуазель! – картавит он, расшаркиваясь передо мной.

Я хочу сказать ему, что не желаю танцевать этого дикого танца, который называется вальсом, что я ничего не умею танцевать, кроме родной моему сердцу лезгинки. Но – увы! – уже поздно! Блестящий адъютант в мгновение ока обвил рукой мою талию и, не слушая моих протестов, понесся, увлекая меня за собой по зеркально натертому паркету.

Мои ноги, выделявая в воздухе какие-то необъяснимые словами антраша, тщетно старались найти опору. На лице, красном от гнева, помимо моей воли, сменяли друг друга неприятные и комические гримасы. Я действительно не умела ничего танцевать, кроме лезгинки, несмотря на все старания Люды обучить меня этому трудному искусству. Очевидно, Доуров знал это и умышленно ставил меня в глупое и смешное положение, – в отместку за брошенное ему в лицо оскорбление.

Вокруг нас сдержанно хихикали и смеялись. Дочь горийского судьи, сестрички-барышни и прочие полковые и городские дамы, не исключая и насмешницы Тамары, откровенно хохотали, закрыв лица веерами.

Наконец, Доуров, вероятно, считая себя вполне отомщенным, опустил меня на тахту, в самый цветник блестящих барышень и дам.

Я видела, что надо мной смеялись, и душа моя рвалась на тысячу частей. Но я была слишком горда и самолюбива, чтобы показать себя обиженной и оскорбленной.

Кто-то поблизости сказал шепотом, однако достаточно громко, чтобы я могла расслышать:

– Бедная девочка... Я не хотела бы быть на ее месте.

О, это было уже слишком!.. Моя восточная кровь, лезгинская кровь бешено закипела во мне. Я вспыхнула до корней волос.

Увидев проходившего мимо Андро, я крикнула звенящим от волнения голосом, дрожа от затаенного гнева, оскорбленного самолюбия и стыда:

– Князь Андро! Прикажите музыкантам играть лезгинку. Я покажу им всем, как пляшет танец своего народа прирожденная лезгинская княжна, Нина бек-Израэл.

Глава четвёртая

МОЯ ЛЕЗГИНКА. ОТЧАЯННАЯ СМЕЛОСТЬ.

Вот она, песня восточного неба, песня глубокой, как море, бездны, песня восточной звезды!

Сорвать со стены бубен, выбежать на середину комнаты и встать в позу было делом одной минуты. Душа моя кипела и волновалась одним страстным желанием, одной безумной жадью доказать всем им, этим напыщенным, скучным господам, что Нина бек-Израэл, дикое, некультурное, по их мнению, дитя природы, может быть на высоте своего призвания. О-о!

Поднимаю бубен над головой и, вертя его так, чтобы все звонкие колокольчики разом запели серебряную песнь звенящего ручья, пускаюсь в пляску. Ноги бесстрашно скользят на зеркале паркета... Воздушное платье стелется облаком... Тяжелые косы бьют меня по плечам и спине... Темп лезгинки нарастает.

Подобно белой птице с черными крыльями, я лечу, почти не касаясь пола, по кругу и не узнаю наших гостей, кажется, зачарованных моей пляской... Легкий одобрительный шепот, как шелест ветра в чинаровой роще, перелетает из конца в

конец зала... Старики отошли от карточных столов и присоединились к зрителям. Отец пробрался вперед, любуясь мною, он восхищен, горд, я слышу его ободряющий голос:

– Молодец, Нина! Прелесть как хорошо! Прелесть!

Адъютант Доуров тоже здесь. В вихре пляски успеваю рассмотреть его отвратительно упитанное, самодовольное лицо и... откровенный восторг, какого никогда прежде не видела я на этом лице.

"Ага! – мысленно торжествую я, – что, нравится пляска дикарки-княжны? Той самой дикой горянки, над которой все вы только что смеялись!.. Жаль только, что у меня нет кавалера под стать" - и я оглядываю круг гостей.

Вот стоят молодые хорунжие и сотники из казачьих батарей, подчиненных моему отцу. Я знаю, что они могут станцевать лезгинку, но разве они спляшут так, как бы мне хотелось? Нет, тысячу раз нет! Этот полный огня и беззаветной удали танец они пляшут по-маскарадному, с бьющими на театральный эффект движениями, по-офицерски! Только истинный сын дагестанского аула умеет плясать по-настоящему нашу дивную лезгинку...

И тут я замечаю среди гостей новое лицо... Кто он – этот красивый перс с длинной бородой, в пестром халате и остроконечной характерной шапке, какие часто встречаются на улицах и базарах Эривани? Отчего в этом смуглом величавом лице с горбатым носом и насмешливыми губами мне мерещится что-то знакомое?

Наши взгляды скрестились... и – не раздумывая, безотчетно, неожиданно для себя самой, я бросаю бубен в сторону незнакомого перса, неожиданно явившегося на нашем балу... Он ловко подхватывает его с налета и, прежде чем кто-либо мог ожидать этого, выбегает на середину зала...

– Кто он? Кто он? – перешептываются гости.

Но не все ли равно им, кто он?

Кто бы он ни был, этот перс, но он хочет помочь мне, – хочет плясать со мной лезгинку. Кому какое дело до всего остального?

Музыканты, предвосхищая увлекательное зрелище, сразу взяли стремительный темп. Закружилась, закипела, завертелась новая, горячая, как огонь, и быстрая, как зарница, удалая лезгинка. Извиваясь змеей, порхая птицей, носился, увиваясь подле меня, незнакомец-перс. Казалось бы, чуждой ему пляской дагестанских племен он владел в совершенстве, больше того – этому человеку были ведомы и жаркий темперамент лезгина, и ловкость настоящего джигита. Это была целая поэма Востока с прохладой чинаровых рощ, соловьиными трелями, розовым ароматом... Перс кружил вокруг, то настигая меня - свою даму, то отступая и давая мне дорогу с тем врожденным рыцарством, без которого нет настоящей лезгинки. Я прикрыла глаза, упоенная, обессиленная танцем. На какое-то мгновение смуглое лицо перса приблизилось, горячее дыхание обдало мою щеку...

– Княжна Нина! Я сдержал свое слово, – спокойно сказал незнакомец, и я узнала этот голос!

В ту же минуту черная борода и остроконечная шапка упали к моим ногам. Персидский халат соскользнул с плеч танцора, и ага-Керим-бек-Джамал, горный душман, предстал перед всеми во всем своем удалом бесстрашии и красоте.

– Керим! Керим! – не своим голосом, испытывая восторг и страх одновременно, закричала я. – Керим-ага, возможно ли! Вы?

– Я! – твердо отвечал молодой горец, скрестив на груди руки, бесстрашно дразня своей дерзостью наших разряженных и напыщенных гостей.

Возникло замешательство. В дамском кружке слышались испуганные восклицания, плач.

– Держите! Держите его! Это разбойник! Душман! Грабитель! – на разные голоса слышалось в зале.

Мой отец первым кинулся к Кериму. За ним бежали оба денщика. Мое сердце замерло. Но Керим уже стоял на подоконнике.

– Старый князь Джаваха! – прокричал он, – ты плохо знаешь адаты восточной страны. Гость – священная особа. Не забывай этого!

– Молчи, разбойник! Или... – и мой отец, сорвав со стены револьвер, взвел курок...

– Ради Бога, папа! Ради Бога! – с отчаянным криком бросилась я к нему. – Керим мой гость! Я не допущу, чтобы его убивали...

– Что?!

Черные, всегда такие добрые глаза моего отца вспыхнули гневным недоумением.

Вероятно, мое лицо лучше всяких слов объяснило ему мое состояние, он легонько оттолкнул меня и с поднятым револьвером двинулся к окну.

Керим все еще стоял там, скрестив руки на груди. Его поза выражала лишь беспечную удаль, но глаза метали молнии... Ноздри тонкого носа и губы трепетали, как у дикой лошади. Никакого оружия не было у него в руках... Кинжалы оставались заткнутыми за пояс.

"Они поймают Керима... Они его изувечат". Я бестолково металась по залу, пытаюсь помешать преследователям Керима и крича:

– Ради Бога, Керим! Ради вашего Аллаха! Спасайтесь! Или...

Ко мне подлетел адъютант Доуров с перекошенным от злости лицом.

– Так вот как, княжна! – прошипел он – так вот как! Вы потакаете разбою, вы укрываете душмана! Прекрасно, очаровательно, помогать душегубу! Каину!

Кровь бросилась мне в лицо. Точно меня ударили хлыстом или нагайкой!

– Молчать!.. Вы! Как вас там! – кричала я в истерическом иступлении. – Как вы смеете оскорблять меня! Керим не душегуб и не Каин. А вы... вы!.. О, как я вас ненавижу!

Когда отец властным жестом прекратил безобразную перебранку, на окне уже никого не было. Лишь прошуршали в саду кусты азалии, росшей под окном.

Слава Богу! Керим был вне опасности. Я облегченно вздохнула...

Но тут же приказание отца повергло меня в новую тревогу.

– Пять тысяч рублей награды тому, кто поймает разбойника и доставит сюда живым! – гремел его командирский голос.

Тотчас оба вестовых казака, старый Михако и юный Аршак, вслед за молодыми хорунжими и князем Андро кинулись в сад.

Не помня себя, я бросилась за ними.

– Андро! Андро! – умоляла я, цепляясь за длинные полы его мундира, – вы не погубите его, Андро! Вы не тронете его! Он – мой гость, мой кунак! О, Андро! Не давайте его в обиду, во имя Бога, или вы не друг мне, Андро! Не друг!

– Опомнитесь, Нина! Опомнитесь, безумное дитя! Что с вами?

Я рыдала без слез. Как стонет с голоду волчица, как стонет горный джейран, загнанный охотниками.

– Горе мне! – повторяла я. – Горе мне! Я его выдала! Я его предала! О, глупая, тупоголовая, жалкая девчонка! Не сумела сдержать своего порыва! Не сумела

скрыть своего изумления! Раскудаhtалась, как глупая курица! О, гадкая, слабая, малодушная девчонка!

Я билась на мокрой от росы траве, рвала на себе платье и волосы, проклиная невольную вину. Не знаю, долго ли продолжался мой припадок, я пришла в себя, когда чья-то сильная рука опустилась мне на плечо.

Передо мной стоял мой отец...

Нет, не прежний, – милый и снисходительный человек, всепрощающий отец, добрый и неизменно приветливый князь Георгий Джаваха, каким его все знали не только в нашем доме, но в целом Гори.

Нет. Этот седой величавый генерал с гордой осанкой, с сурово сдвинутыми бровями и мрачным взглядом не мог быть мне отцом, – только судьей.

– Нина! – произнес он сурово, – должен ли я объяснять тебе, что ты поступила нечестно?

Если бы мне сказал это кто-либо другой, я сумела бы ответить. Но перед ним я молчала, должна была молчать.

– Ты поступила нечестно, – продолжал он неумолимо, – ты обидела твоего старого отца. Ты обидела, огорчила и оскорбила меня. Больше того: ты осрамила меня на целый Гори. Дочь всеми уважаемого, честного служака, боевого генерала, оказывается, ведет тайную дружбу с опаснейшим из окрестных душманов, с грабителем, вором, убийцей!

– Это неправда! Неправда, папа!

– Молчи! Что знаешь ты? Дитя! Ребенок! Я прощаю шалости... Прощаю дикий нрав, Нина..., но не ложь... Но не ложь, клянусь тебе Богом! Лжи я не прощу.

– Я не лгала тебе, отец! Я не умею лгать, – воскликнула я в отчаянии.

– Ты скрыла от меня. А это разве не тоже самое, что и ложь, Нина? – заметил он строго. – Где ты встретила Керима? Где познакомилась с ним?

– В Уплис-цихе, отец! – сказала я твердо, – в пещере... во время грозы. Он спас меня, вытащил из бездны, в ту ночь, когда я вывихнула руку и потеряла Смелого.

– Я не верю тебе, Нина, – укоризненно покачивая головой, произнес он, – ты нарочно говоришь так, чтобы я был снисходительнее к Кериму. Разбойник не выпустил бы тебя из своих рук без выкупа, без пешкеша...

– Но то разбойник, а ведь Керим не настоящий разбойник, папа, – пробовала возражать я.

Но отец не слушал или не слышал меня. Лицо его оставалось суровым и мрачным...

– Не лги, Нина! Не унижай себя. Я не поверю тебе. Я не забуду твоего поступка. Ты открыто держала сторону этого бродяги и шла против меня, твоего отца, который... который...

Справившись с волнением, отец подвел итог, заканчивая разговор тоном, не допускавшим возражений:

– Ты уже не маленькая, чтобы наказывать тебя. И я слишком слабый отец, чтобы подвергать тебя наказанию. Одно я могу сделать – не видеть тебя. Да, я не хочу тебя видеть до тех пор, пока ты не откроешь мне всей правды. А теперь ступай. Сейчас наши поймут Керима и доставят его сюда. Я не хочу, чтобы ты была свидетельницей этого. Ступай к себе и жди моих приказаний.

"Поймают Керима! Поймают Керима! О! – мысленно шептала я. – Силы светлые и темные! Вы, нежные ангелы горийского неба! Вы, черные духи кавказских ущелий, помогите ему! Дайте его ногам быстроту ног горного тура! И

сильный размах орлиного крыла! Святая Нина Праведница, в честь которой мне дано мое имя, услышишь молитву дикой, ничтожной девочки. Спаси его! Спаси его, святая Нина! Сними тяжесть укора с моей души. Не дай ему погибнуть из-за меня, которая не достойна обуть ему ногу сафьяновым чувяком... Спаси его! И я вышью золотую пелену на твой образ в тифлисском храме, я, не умеющая держать иглы в руках и ненавидящая рукоделие всей душой!"

Низко опустив голову, я медленно поплелась по длинной чинаровой аллее. Странно, ни упреки моего отца, ни его гнев, которые привели бы меня в отчаяние в другое время, сегодня не произвели на меня большого впечатления. Потому, должно быть, что все мои мысли, все мои желания были направлены на другое: лишь бы успел скрыться Керим, лишь бы преследователи не настигли его.

Большинство наших гостей, испуганных происшествием, поспешили уехать. Те из них, кто замешкался, не успев собраться, толпились сейчас в наших просторных, по восточному обычаю устланных коврами, сенях. Мое измятое, перепачканное платье, растрепанные косы и измученное лицо были восприняты здесь, разумеется, как ужасающее нарушение приличий. Ах, какими красноречивыми были молчание этих людей и недоумевающие взгляды!

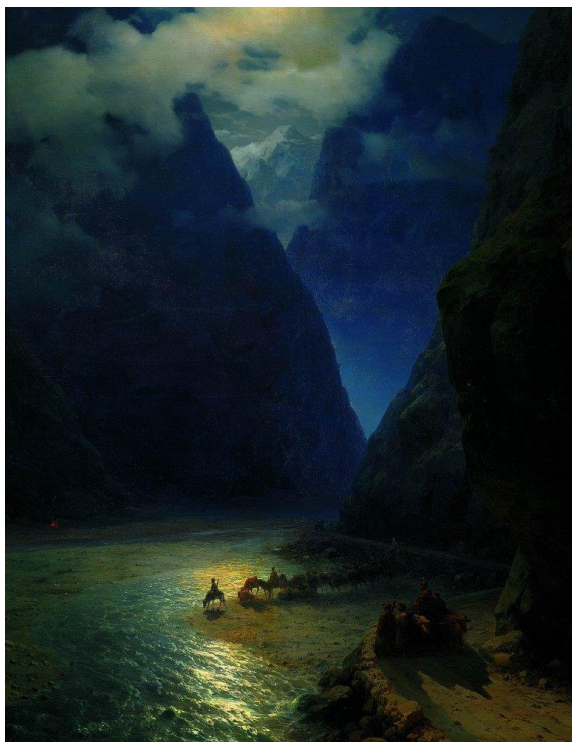
Когда я шла сквозь анфиладу опустевших комнат, торопясь пройти к себе, мне встретила Люда.

– Боже мой, Нина! В каком ты виде!

Я пожала плечами и отрезала коротко и грубо:

– Отстань от меня! Какое тебе дело!

В моей комнате, куда я скрылась от ненавистных взглядов, усмешек и вопросов, было свежо и пахло розами. Я подошла к окну, с наслаждением вдыхая чудный запах... Покой и тишина царили здесь, в саду, в азалиевых кустах и орешнике... Прекрасно было ночное небо... Почему, почему среди этой красоты моей душе так нестерпимо тяжело?

И. Айвазовский. Дарьяльское ущелье в лунную ночь

"Господи! – молила я это темное небо. – Господи, сделай так, чтобы его не поймали. Сделай так, Господи! Сними бремя с моей души!"

Я никогда не отличалась особенной религиозностью, но сегодня я молилась истово. Я вполне сознавала себя виновницей несчастья и вследствие этого страдала вдвойне. Воображение рисовало ужасные образы. Мне казалось – вот-вот заслышится конский топот, вернутся казаки и приведут связанного по рукам Керима, избитого, может быть, окровавленного... Я вздрагивала от ужаса...

Уже не в воображении, а наяву царственную тишину ночи нарушает конский топот. Отряд, посланный отцом, возвращается... Они все ближе, можно различить отдельные людские восклицания и голоса. Вот оживленный голос князя Андро, а этот ненавистный – Доурова...

– Княжна, вы?

Мое белое платье, четко выделяясь на фоне темного окна, бросилось им в глаза.

Несколько всадников отделились от группы и подъехали к моему окну.

– Ну, что? – предательски срывается мой голос.

Впереди всех Доуров. Глаза горят, как у кошки в темноте. Однако обычно самодовольное лицо выражает сейчас разочарование и усталость. По одному выражению этого лица можно понять, что их постигла неудача. Я торжествую.

– Ну, что? – повторяю свой вопрос уже без страха.

– Улизнул разбойник! – признается ненавистный адъютант, – но даю вам мою голову на отсечение, княжна, что не дольше, как через неделю, я его поймаю, и он получит по заслугам.

– Боюсь, что вы останетесь без головы, Доуров, – усмехаюсь я, не скрывая злорадного торжества.

– Посмотрим! – хорохорится он.

– Посмотрим! – в тон отвечаю я и, расхохотавшись ему в лицо, с шумом захлопываю окно.

Господь услышал мою молитву – Керим вне опасности.

Автор: АЛЕКСАНДР КУПРИН

Иллюстрации: ИВАН ШИШКИН, ВИКТОР ВАСНЕЦОВ

ОЛЕСЯ

VI

Иван Шишкин. Полесье. Болото. 1890

С этого дня я стал частым гостем в избушке на курьих ножках. Каждый раз, когда я приходил, Олесья встречала меня с своим привычным сдержанным достоинством. Но всегда, по первому невольному движению, которое она делала, увидев меня, я замечал, что она радуется моему приходу. Старуха по-прежнему не переставала бурчать что-то себе под нос, но явного недоброжелательства не выражала благодаря невидимому для меня, но несомненному заступничеству внучки; также немалое влияние в благотворном для меня смысле оказывали приносимые мною кое-когда подарки: то теплый платок, то банка варенья, то бутылка вишневой наливки. У нас с Олесей, точно по безмолвному обоюдному уговору, вошло в обыкновение, что она меня провожала до Ириновского шляха, когда я уходил домой. И всегда у нас в это время завязывался такой живой, интересный разговор, что мы оба старались поневоле продлить дорогу, идя как можно тише безмолвными лесными опушками. Дойдя до Ириновского шляха, я ее провожал обратно с полверсты, и все-таки, прежде чем проститься, мы еще долго разговаривали, стоя под пахучим навесом сосновых ветвей.

Не одна красота Олеси меня в ней очаровывала, но также и ее цельная, самобытная, свободная натура, ее ум, одновременно ясный и окутанный

непоколебимым наследственным суеверием, детски невинный, но и не лишенный лукавого кокетства красивой женщины. Она не уставала меня расспрашивать подробно обо всем, что занимало и волновало ее первобытное, яркое воображение: о странах и народах, об явлениях природы, об устройстве земли и вселенной, об ученых людях, о больших городах... Многие ей казалось удивительным, сказочным,

Виктор Васнецов. Алёнушка. Эскиз

неправдоподобным. Но я с самого начала нашего знакомства взял с ней такой серьезный, искренний и простой тон, что она охотно принимала на бесконтрольную веру все мои рассказы. Иногда, затрудняясь объяснить ей что-нибудь, слишком, по моему мнению, непонятное для ее полудикарской головы (а иной раз и самому мне не совсем ясное), я возражал на ее жадные вопросы: «Видишь ли... Я не сумею тебе этого рассказать... Ты не поймешь меня».

Тогда она принималась меня умолять:

— Нет, пожалуйста, пожалуйста, я постараюсь... Вы хоть как-нибудь скажите... хоть и непонятно...

Она принуждала меня пускаться в чудовищные сравнения, в самые дерзкие примеры, и если я затруднялся подыскать выражение, она сама помогала мне целым дождем нетерпеливых вопросов, вроде тех, которые мы предлагаем заике, мучительно застрявшему на

одном слове. И действительно, в конце концов ее гибкий, подвижной ум и свежее воображение торжествовали над моим педагогическим бессилием. Я поневоле убеждался, что для своей среды, для своего воспитания (или, вернее сказать, отсутствия его) она обладала изумительными способностями.

Однажды я вскользь упомянул что-то про Петербург. Олеся тотчас же заинтересовалась:

— Что такое Петербург? Местечко?

— Нет, это не местечко; это самый большой русский город.

— Самый большой? Самый, самый, что ни на есть? И больше его нету? — наивно пристала она ко мне.

— Ну да... Там все главное начальство живет... господа большие... Дома там все каменные, деревянных нет.

— Уж, конечно, гораздо больше нашей Степани? — уверенно спросила Олеся.

— О да... немножко побольше... так, раз в пятьсот. Там такие есть дома, в которых в каждом народе живет вдвое больше, чем во всей Степани.

— Ах, боже мой! Какие же это дома? — почти в испуге спросила Олеся. Мне пришлось, по обыкновению, прибегнуть к сравнению.

— Ужасные дома. В пять, в шесть, а то и в семь этажей. Видишь вот ту сосну?

— Самую большую? Вижу.

— Так вот такие высокие дома. И сверху донизу набиты людьми. Живут эти люди в маленьких конурках, точно птицы в клетках, человек по десяти в каждой, так что всем и воздуху-то не хватает. А другие внизу живут, под самой землей, в сырости и холоде; случается, что солнца у себя в комнате круглый год не видят.

— Ну, уж я б ни за что не променяла своего леса на ваш город, — сказала Олеся, покачивая головой. — Я и в Степань-то приду на базар, так мне противно делается. Толкаются, шумят, бранятся... И такая меня тоска возьмет за лесом, — так бы бросила все и без оглядки побежала... Бог с ним, с городом вашим, не стала бы я там жить никогда.

— Ну, а если твой муж будет из города? — спросил я с легкой улыбкой. Ее брови нахмурились, и тонкие ноздри дрогнули.

— Вот еще! — сказала она с пренебрежением. — Никакого мне мужа не надо.

— Это ты теперь только так говоришь, Олеся. Почти все девушки то же самое говорят и все же замуж выходят. Подожди немного: встретишься с кем-нибудь, полюбишь — тогда не только в город, а на край света с ним пойдешь.

— Ах, нет, нет... пожалуйста, не будем об этом, — досадливо отмахивалась она. — Ну к чему этот разговор?... Прошу вас, не надо.

— Какая ты смешная, Олеся. Неужели ты думаешь, что никогда в жизни не полюбишь мужчину? Ты — такая молодая, красивая, сильная. Если в тебе кровь загорится, то уж тут не до зарок будет.

— Ну что ж — и полюблю! — сверкнув глазами, с вызовом ответила Олеся. — Спрашиваться ни у кого не буду...

— Стало быть, и замуж пойдешь, — поддразнил я.

— Это вы, может быть, про церковь говорите? — догадалась она.

— Конечно, про церковь... Священник вокруг аналая будет водить, дьякон запоем «Исайя ликуй», на голову тебе наденут венец... Олеся опустила веки и со слабой улыбкой отрицательно покачала головой.

— Нет, голубчик... Может быть, вам и не понравится, что я скажу, а только у нас в роду никто не венчался: и мать и бабка без этого прожили... Нам в церковь и заходить-то нельзя...

— Все из-за колдовства вашего?

— Да, из-за нашего колдовства, — со спокойной серьезностью ответила Олеся. — Как же я посмею в церковь показаться, если уже от самого рождения моя душа продана ему.

— Олеся... Милая... Поверь мне, что ты сама себя обманываешь... Ведь это дико, это смешно, что ты говоришь.

На лице Олеси опять показалось уже замеченное мною однажды странное выражение убежденной и мрачной покорности своему таинственному предназначению.

— Нет, нет... Вы этого не можете понять, а я это чувствую... Вот здесь, — она крепко притиснула руку к груди, — в душе чувствую. Весь наш род проклят во веки веков. Да вы посудите сами: кто же нам помогает, как не он? Разве может простой человек сделать то, что я могу? Вся наша сила от него идет.

И каждый раз наш разговор, едва коснувшись этой необычайной темы, кончался подобным образом. Напрасно я истощал все доступные пониманию Олеси доводы, напрасно говорил в простой форме о гипнотизме, о внушении, о докторрах-психиатрах и об индийских факирах, напрасно старался объяснить ей физиологическим путем некоторые из ее опытов, хотя бы, например, заговаривание крови, которое так просто достигается искусным нажатием на вену, — Олеся, такая доверчивая ко мне во всем остальном, с упрямой настойчивостью опровергала все мои доказательства и объяснения... «Ну, хорошо, хорошо, про заговор крови я вам, так и быть, подарю, — говорила она, возвышая голос в увлечении спора, — а откуда же другое берется? Разве я одно только и знаю, что кровь заговаривать? Хотите, я вам в один день всех мышей и тараканов выведу из хаты? Хотите, я в два дня вылечу простой водой самую сильную огневицу, хоть бы все ваши доктора от больного отказались? Хотите, я сделаю так, что вы какое-нибудь одно слово совсем позабудете? А сны почему я разгадываю? А будущее почему узнаю?»

Кончался этот спор всегда тем, что и я и Олеся умолкали не без внутреннего раздражения друг против друга. Действительно, для многого из ее черного искусства я не умел найти объяснения в своей небольшой науке. Я не знаю и не могу сказать, обладала ли Олеся и половиной тех секретов, о которых говорила с такой наивной верой, но то, чему я сам бывал нередко свидетелем, вселило в меня непоколебимое убеждение, что Олесе были доступны те бессознательные, инстинктивные, туманные, добытые случайным опытом, странные знания, которые, опередив точную науку на целые столетия, живут, перемешавшись со смешными и дикими поверьями, в темной, замкнутой народной массе, передаваясь, как величайшая тайна, из поколения в поколение.

Несмотря на резкое разногласие в этом единственном пункте, мы все сильнее и крепче привязывались друг к другу. О любви между нами не было сказано еще ни слова, но быть вместе для нас уже сделалось потребностью, и часто в молчаливые минуты, когда наши взгляды нечаянно и одновременно встречались, я видел, как увлажнялись глаза Олеси и как билась тоненькая голубая жилка у нее на виске...

ИГРОВОЙ ЗАЛ

Автор: ОЛЬГА ЛАЛАЖЕЛЬ

Саша и Женя играют в словесную игру

Девочка Саша и мальчик Женя учатся в старших классах. Как-то раз они поехали на дачу. В дороге было скучно, и ребята решили поиграть в хорошо знакомую и любимую словесную игру. Рядом с дачей было озеро, поэтому Саша загадала слово «озеро». Она объявила Жене, что загаданное слово состоит из трёх слогов и что в нём пять букв.

Женя подумал: «Значит, в слове три гласные буквы и всего две согласные». По правилам, вначале надо было отгадать гласные. Мальчик задал вопрос:

- В слове «машина» есть гласные из загаданного слова?
- Нет, - ответила Саша.

Женя сделал вывод, что в скрытом слове нет ни буквы «А», ни «И». И произнёс другое слово: «сверчок».

- Ты угадал: здесь есть две гласные из моего слова!
- Ура! – обрадовался Женя. – Значит, в твоём слове есть гласные «Е» и «О».
- Да, – подтвердила Саша. – Осталось угадать ещё одну.

Женя произнёс новое вспомогательное слово: «самокат».

- Нужная гласная есть в слове! – признала Саша.

Женя подумал: «А» исключена, значит это «О».

- Это ещё одна «О»? – спросил он. Саша кивнула.

Итак, гласные отгаданы. Женя мысленно повторил их: «О», «Е», «О». Пришло время отгадать согласные буквы.

- Есть ли в слове «малина» нужная согласная?

Ответ был отрицательный. Женя записал, чтобы не забыть, карандашом на листике буквы: «М», «Л», «Н». И произнёс новое проверочное слово - «клубника». Снова не было нужных согласных. Женя выписал: «К» и «Б».

- А в слове «груша»?
- Есть одна!

Женя задал новые проверочные слова с буквами «Г», «Р» и «Ш»:

- «Гол»?

– Нет.

– «Нора»?

– Да!

Значит, это «Р», ведь «Н» уже исключена.

Осталась последняя скрытая согласная буква:

– Пицца?

– Нет.

– Лазанья?

– Есть!

Это не «Л» и не «Н», значит, «З».

Все буквы найдены! Это О,Е,О,Р,З.

Из букв надо было составить слово. Женя думал и складывал в слоги буквы на бумаге. Готово:

– Ты загадала слово «озеро»!

– Верно, — улыбнулась Саша. Она уже предвкушала, как будет отгадывать в свою очередь загаданное Женей слово.

Попробуйте сыграть в такую игру и вы! Это отличная разминка для ума, тренировка памяти и логического мышления, а также - проверка на знание орфографии.

Для игры хорошо иметь перед глазами русский алфавит. Для первых раундов выбирайте односложные слова или те, которые содержат не более 5 букв. Когда принцип игры будет усвоен игроками, можно перейти на уровень повышенной сложности и выбирать слова подлиннее.

СТАРИННАЯ ШАРАДА

*ПРИСЫЛАЙТЕ ВАШ ОТВЕТ ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ ДО 30 МАРТА.
ПЕРВЫЙ ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ ПОЛУЧИТ ПРИЗ!*

Мой первый слог грациозно и игриво
Балетная проделывает дива,
Второй мой слог пердлогом назовёте;
И остальные два на дне болот найдёте,
А целое из хитросплетенных узоров
В укромном уголке скрывается от взоров:
Его лишь только глаз хозяйки замечает,
Оттуда щёткою скорее выметает.

Н. Дмитриев. «Задушевное слово», 1885 г., том 10, номер 5

ОТВЕТ НА ШАРАДУ – В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ «СВЕРЧКА».

ПАПАМ И МАМАМ

НЕМНОГО ПОЭЗИИ

Автор: **ВИКТОРИЯ ТАИБОВА**

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

Сегодня она сказала мне:

«Мама,
Я люблю тебя.
Правда-правда!

И завтра буду тоже любить
До неба, до звёзд, до синих птиц».

МАМА

Сегодня ночью её покинула мама.
Ей стало грустно,
Но никому говорить об этом не стала.

Вскоре у неё рождается своя дочь,
А у дочери ещё дочь,

И все ждут до сих пор и надеются,
Что та мама придёт
И всё в жизни устроится.

НЕЖНАЯ МОЯ

Пышка,
Нежная моя малышка,
Песенка моя,

Ласточки нежнее,
Мышка,
Девочка моя.

Уложу тебя, младенца,
Песню пропою.

Закрывай глазёнки, детка,
Я тебя люблю.

ВЫНИМАЯ ИЗ КАРМАНОВ

Выворачивая её карманы, нахожу:
Заколку, прищепку, шкурку банана,
Семечки от яблока,
Песчинки, ключи,

Шариковую ручку, тетрадь,
Мягкую игрушку, кукольную кровать,
Камни из океана, облака из розовой мечты,

Резинку, пластинку,
Носовой платок,
Кошелёк с деньгами,
И открытку маме, вот.

РОДИТЕЛИ УЛЫБАЮТСЯ

Автор: **СЕРГЕЙ УЛАШЕВ**

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ ДОЧИ

- Пап, где мама?
- Час назад сказала, что «на пять минут» забежит к соседке.
- Ой, папа, этой шутке уже триста лет.
- Ну хорошо, что напомнила мне о моем возрасте.
- Пап, а мне Колька предложение сделал.
- Что сделал?
- Предложение!
- Неприличное?
- Ну почему же сразу неприличное? Приличное. Он меня пригласил в кино, на эротику.
- Куда пригласил?
- В кино. На эротику.
- Тебе нельзя смотреть эротику!
- Почему?
- Тебе нельзя смотреть эротику!!!
- Почему???
- Хотите смотреть эротику - идите в музей.
- В музей свет не выключают...
- Все равно я запрещаю тебе смотреть эротику, а то кем угодно можешь стать...
- Папа, тебе бабушка в детстве тоже запрещала смотреть фильмы о шпионах. Ты же не стал шпионом?
- Он у тебя пьет?
- Нет.
- Курит?
- Нет.

- Больной, что ли?
- С тобой познакомится - начнет и пить, и курить. Слушай, пап, а на первом свидании целоваться можно?
- Нет.
- А на втором?
- И на втором нельзя.
- А Колька взял билеты на последний ряд.
- Вот пусть с рядами и целуется.
- А вы с мамой когда первый раз поцеловались?
- После свадьбы. После свадьбы поцеловались.
- Нет, серьезно?
- Серьёзно!
- И когда ж вы наверстаете?
- Вот вы сейчас в кино уйдете - мы и наверстаем.
- Можно я мамиными духами побрызгаюсь?!
- Это духи для «дорогой» женщины.
- Значит, я дорогая женщина! Пап, а ты не мог бы для дорогой женщины немножко денег на «карманные расходы»?
- Маме дай "на карманные расходы", бабушке "на карманные расходы", теперь еще и тебе... Ну почему все ваши карманные расходы "из моего кармана"? Держи.
- Папа, это только на "один карман"!
- А ты надень юбку, там совсем карманов нет.
- Пап, а меня Колька спрашивает, что мне на день рождения подарить.
- Пусть подарит тебе нефтяную вышку в Саудовской Аравии.
- Я не хочу вышку, я хочу маленькую собачку!
- Не надо нам собачку. У нас дома есть кому гавкать.
- Пап, а если мне на первом свидании предложат руку и сердце?
- Соглашайся. Но только чтобы в одиннадцать была дома.

НАШИ БЕСЕДЫ

МАРИЯ БЕРШАДСКАЯ

Мария Бершадская – известная детская писательница. Мария родилась и живёт в Минске. После окончания сценарного факультета ВГИКа, работала сценаристом документальных фильмов («Судьба человека», «Обратный отсчет»), мультипликационных проектов и «Улицы Сезам».

Первая детская книга Марии Бершадской - «Большая маленькая девочка» - вышла в издательстве «КомпасГид» и вошла в пятерку лучших детских книг 2013 года по версии интернет-журнала «Папмамбук».

В 2014 году Мария Бершадская стала финалистом литературного конкурса «Новая детская книга», представив сборник стихотворений «Море, которого нет на карте».

1. Мария, нам известно, что Вы закончили сценарный факультет ВГИКа, работали над сценариями многих документальных фильмов. Есть ли у Вас мечта или проект в сфере драматургии? Детской драматургии?

Все верно. Последнее время я не работаю как сценарист документальных фильмов, переключилась на анимацию. В прошлом году придумывала концепцию и персонажей для детской телепередачи. Собственно, мой первый сценарный опыт после ВГИКа — работа на детской программе «Улица Сезам», так что, так или иначе, я недалеко ушла от себя двадцатипятилетней.

Если говорить о мечтах и планах... ну да, что-то есть, конечно. Очень хочется написать пьесу для кукольного театра - по мотивам моих книжек про большую маленькую девочку. Но, к сожалению, все не хватает на это времени. Возможно, скоро начнется большой и очень интересный сценарный проект - но тут еще пока рано что-то говорить наверняка. Надеюсь, что все получится.

2. На сегодня наибольшую известность Вам принесла серия о «Большой маленькой девочке». А что у Вас в работе сейчас?

Сейчас у меня в работе повесть для подростков, где-то на возраст 12 - 14 лет, я думаю. Главной героине почти 13. Действие первой части происходит в Израиле, а потом уже - Москва. Книжка написана... ну, процентов на 70, наверное. Или чуть больше. Очень жду лета, чтоб спокойно сесть и ее закончить. Я не умею работать урывками, да и работа преподавателя не дает такой возможности - на нее уходит много сил и энергии. И времени, конечно. Так что, считаю дни до каникул, чтобы снова нырнуть в работу.

3. Есть ли что-то, что Вы готовите к публикации в ближайшее время, на какой возраст рассчитано это произведение?

Вот эта недописанная повесть с рабочим названием «Часовые пояса» и готовится... Уже есть предварительная договоренность с издательством. Но сначала мне нужно эту историю приготовить... то есть дописать. А то она уже долго лежит в кастрюльке, булькает- булькает и никак не приготовится.

4. Есть ли у Вас любимый читательский возраст? Для какой читательской аудитории Вам проще писать и с какой живой детской или подростковой аудиторией Вам проще общаться?

Наверное, мой любимый читательский возраст от семи лет и до... ну, предположим, до пятнадцати. Взрослым (а 16 - 18 лет - это уже взрослые) я не очень представляю, о чем могу рассказать. Да и они уже читают все подряд, а не какие-то специально для подростков написанные книги. Так что моя аудитория - не слишком маленькие и еще не совсем взрослые, как-то так.

5. Вы - мама троих детей. Повлияло ли их взросление на ваше творчество?

О, так бы хотелось сказать, что они выросли исключительно на моих книгах и именно мое прекрасное творчество влияло на их нежные души... Нет, это я шучу, конечно. Я вообще не очень понимаю, что значит «мое творчество» и как-то побаиваюсь этих слов. Просто всегда, сколько дети меня помнят, я что-то делала - писала сценарии для документальных фильмов, ездила на интервью и съемки, бормотала какие-то стишки... потом вот книжки стала писать. Это было дело, работа, которой занята мама. Конечно, я всегда с ними делилась тем, чем я занималась - рассказывала какие-то истории о людях, с которыми встречалась, показывала снятое кино... Так получилось, что практически у всех взрослых в нашей семье какая-то творческая работа - муж занимается компьютерной графикой, его родители — художники. Когда дети были маленькими, еще были живы их прабабушки - они писали пьесы для театра, сценарии, статьи. Дети знали, что их прадед был писателем, а прапрапрадед - скульптором... Короче, там хватало влияний кроме меня.

Я своим детям, конечно же, всегда очень много читала. И не только я - и муж, и бабушка с дедушкой. Дедушка читал им Жюль Верна (к книгам которого он, кстати, делал иллюстрации). И все это - по телефону, по громкой связи, представляете?! Дети устраивались на диване и слушали. Книги, музыка, живопись, кино были частью нашей жизни — и, конечно же, в это невольно вовлекались дети. Просто слушая наши разговоры, общаясь с нашими друзьями, наблюдая, как мы работаем.

А если честно, я не знаю, что влияет на детей. Точно не книжки. Вернее, не только книжки. Это все вместе - атмосфера дома, то, чем живут взрослые вокруг них и как они относятся к окружающим и друг к другу... и еще какие-то неуловимые мелочи. Куча мелочей.

6. Часто говорят о том, что мы растём с нашими детьми. Не просто меняем стиль нашего поведения по отношению к ним, но и меняемся сами... Согласны Вы с таким утверждением?

Да, согласна. Более того, до чего-то, что я не понимала или не умела с первым ребенком, дорастаешь со вторым или с третьим. Так что мне повезло, я могла долго расти. В общем-то, я стала детским писателем благодаря моим детям. Работа на «Улице Сезам» меня многому научила, тогда же вышла первая тоненькая книжка моих детских стихов. И мне очень хотелось писать дальше. Я даже начинала — но сама видела, что у меня нет своего голоса, своих тем. Мне надо было пройти какой-то путь рядом с детьми - с одной стороны вырасти самой, а с другой - научиться их понимать. Увидеть их - не воображаемых детей, не детей из моего детства, а вот этих - сегодняшних.

Так что я хорошо устроилась - не только заполучила прекрасных детей, но и вместе с ними постепенно приобрела еще одно любимое дело.

7. Читают ли Ваши дети Ваши книги? Советуют ли Вам? Критикуют?

Эммм... Ну, на сегодняшний момент возраст моих детей - 22, 19 и 13. Так что мои книжки они не читают (увы и ах). Старший сын учится в магистратуре и преподает, дочки тоже учатся. Короче, они уже староваты для моих книжек. Читают, но не меня.

При этом я, конечно же, читала им все истории про большую маленькую девочку (это была часть редактуры, мне нужны были испытания на живых людях). И новые стишки я им читаю. Куда им, беднягам, деваться от матери-писателя? Куски новой повести тоже и читала, и рассказывала. Иногда задавала вопросы (младшей дочке, она ровесница моей героини). В общем-то мне скорее нужны были ответы на какие-то технические вопросы. Или - когда уже написан текст - важно понять, что считывает тот самый живой читатель, потому что у тебя уже «замыливается» глаз и какие-то моменты тебе могут казаться понятными, а на самом деле это не так. Так что настоящей критики не было, скорее, какие-то конструктивные замечания. А так им вроде все нравилось.

8. Мы знаем о том, что Вы любите встречаться с читателями. Отложились ли в вашей памяти какая-то из встреч, отличная от всех других?

Даже не знаю. Каждая встреча прекрасная и особенная, правда. Это новый город, новый опыт. Бывает устаешь - дорога, не выпалась, горло болит - но энергии и радости получаешь столько, что забываешь об усталости.

9. Вы работаете в школе. Не боятся ли ваши ученики того, что смогут оказаться, так или иначе, среди персонажей ваших книг? Знают ли они, что их преподаватель писатель и как они к этому относятся?

Вот не знаю, боятся они этого или нет. Надо спросить. О том, что я пишу книжки, они, конечно, все знают. Многие их читали. На самом деле то, что я «живой писатель», конечно, забавно, но не так важно.

10. В настоящее время в русскоязычную литературу вошла целая плеяда белорусских писателей. Отмечается ли бум в детской литературе и на белорусском языке?

Ну, во-первых, конечно же, наш знаменитый дуэт - Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак, они живут в Минске и уже давно известны в России. Но они печатаются в российских издательствах, так же, как и я. Мы пишем по-русски. Еще есть Ольга Громыко, Наталья Щерба (жившая раньше в Беларуси) - тоже русскоязычные авторы. Писателей, которые пишут для детей по-белорусски, не так много, как в России - но у нас ведь и страна небольшая. У замечательного поэта и переводчика Андрея Хадановича есть книги стихов для детей. Вера Бурлак - тоже детский поэт. Еще - Пятро Васючэнка, Валерий Гапеев, Алена Масла, Ганна Якута, Надежда Ясминска, Алексей Штейн... Они пишут прозу для детей и подростков.

У нас нет бума детской литературы, но мы над этим работаем. Очень хорошо, что появляется переводная литература на белорусском языке - это лучшие современные книжки, написанные в Норвегии, Франции, Швеции... Эти книги выходят в издательстве «KOSKA», и мы их всегда очень ждем.

11. И немного о поэзии. Не планируете ли Вы выпуск очередного сборника стихов?

Как раз думаю об этом. Уже собралось достаточно стихов на новую книжку. Теперь надо сочинить некий ход, принцип, по которому они объединяются. В книжке «Море,

которого нет на карте» была история про эпидемию любви, охватившую целый класс. Там по стихотворениям можно было не только узнать, кто где сидит, но и в кого он влюблен. Книжка «Окна» - это пятиэтажка, где каждое стихотворение - окно, в которое мы можем заглянуть и что-то узнать про человека, который там живет. Теперь пытаюсь понять — про что может быть новая книжка стихов.

12. Наша ассоциация является соучредителем международного детского творческого конкурса «Фабрика слов». Что бы Вы пожелали тем, кто пытается делать первые шаги в работе над литературным текстом?

Наверное, я бы сказала им, что мир вокруг полон историй. Важно их видеть. Невозможно «включать писателя» на три часа в день, а потом его выключать. Это с тобой всегда — в магазине, в троллейбусе, в больнице, в самолете... Ты смотришь на людей, на дома, на деревья вокруг, и у тебя в руках всегда сачок-невидимка, которым ты ловишь жесты, разговоры, образы, возникающие у тебя в голове. Ты еще не знаешь, зачем оно нужно. Просло ловишь и складываешь. Запоминаешь, а лучше — записываешь. Когда-нибудь оно обязательно пригодится.

Ну и потом эта наблюдательность — она меняет тебя. Ты привыкаешь так же пристально вглядываться в себя, а это очень важно для писателя.

Что еще можно сказать?

Придумай героя. Он должен быть живым, с характером, биографией, дурацкими привычками — чтоб ты понимал, как он будет действовать в придуманных тобой обстоятельствах, как говорить.

Придумай историю — чтобы твоим читателям (а главное - тебе самому!) было интересно.

Не хватай первый подвернувшийся под руку сюжетный ход, первый образ, первое слово. Наверняка это приходило в голову кому-то другому, а значит - это слишком банально, слишком просто.

Читай вслух то, что написал — особенно диалоги.

Переделывай. Если ты видишь, что история становится скучной или просто увязла и топчется на одном месте — не держись за первоначальный замысел. В твоей истории - ты господь бог, так что не бойся все поменять.

Доводи начатое до конца. Даже если получится не очень хорошо — законченная история всегда лучше заброшенной. От нее ты сможешь двигаться дальше.

На самом деле, про это можно очень долго говорить... Но, думаю, для начала этого хватит.

Я лучше закончу наш разговор коротким стишком.

*Спит под землей завтрашняя трава.
Спят в голове завтрашние слова.
Мне говорят — можно расти во сне.
Так, в тишине, время растет во мне .*

Так что *я желаю всем — и себе самой, конечно — расти. Во сне и наяву.*

Потому что это самое интересное — завтрашние слова, завтрашние истории, и просто — завтрашний день.

ПОЛИНА СОРЕЛЬ

Полина Сорель
живёт в Германии, более
20 лет преподаёт русский
язык, разрабатывает
авторские методики
преподавания, занимается
проблемами чтения и
продвижения
русскоязычной
детской литературы.

1. Полина, расскажите немного о себе. Как Вы пришли в преподавание?

У меня самой были очень хорошие учителя и хорошая школа, потом учеба в педагогическом институте в г. Николаеве (Украина) на факультете иностранных языков. Мне самой всегда нравилось учиться и нравились языки. Выбор профессии на то время был логичным шагом.

До отъезда в Германию я пару лет работала учителем в школе. Это было более 20 лет назад. В Германии я переучилась на специалиста IT- технологий, но продолжала интересоваться языками, обучением и методиками преподавания.

Вначале я стала заниматься онлайн-проектами для изучающих русский язык. Материалы придумывала и составляла сама, так как на тот момент ничего подобного для изучающих русский язык в доступности не было, тем более в немецкоязычном интернете. Так как интерес пользователей был высок, появились другие проекты, среди них - русская школа, книги для первого чтения, организация конкурсов, семейных лагерей, семинаров и творческих встреч, мобильные книжные выставки и праздники.

2. Ваш интерес к детской литературе - чисто преподавательский или в этом интересе заложено нечто большее, более личное?

И то, и другое. Как преподавателю, мне сложно представить более легкий и доступный способ поддержки русского языка за пределами России. Детская литература – это одновременно и основа, и мотивация для изучения языка. Однако книга для меня -это не только источник знания или способ обучения, но и посредник между ребенком и взрослым. Читая книги вместе, взрослые могут научиться лучше понимать детей, а дети - взрослых. И все, что нужно для этого – книга! Но чтобы это произошло, должен быть упрощен доступ к современной литературе. Поэтому я стараюсь идти в ногу со временем и ставлю целью некоторых своих проектов обеспечить этот доступ другим.

Если говорить о личном, то, во-первых, я считаю, что книги когда-то сформировали меня, мои вкусы, взгляды и круг общения. И поэтому мне хочется этот опыт пронести дальше.

Во-вторых, я в принципе не разделяю литературу на детскую и взрослую. Понятие «детская литература» для меня - это скорее возрастная отметка «0+». Если книга хорошая, она может быть интересна в любом возрасте. Я читаю книги «0+» с огромным удовольствием сама, и мне приятно знакомиться и общаться с людьми, которые считают так же, как и я.

В-третьих, по моему мнению, именно сегодня русскоязычная детская литература переживает «золотой век». Она растет и развивается на глазах. Мне очень интересно наблюдать за этим процессом и быть к нему причастной. Я считаю, что мне очень повезло быть свидетелем той эпохи, когда появляется много замечательной детской литературы и талантливых авторов, писателей, поэтов, иллюстраторов, как, например, Галина Дядина и Ирина Зартайская, Анна Десницкая и Екатерина Панфилова. Я с большим интересом наблюдаю за работой современных классиков, таких, как Андрей Усачев, Михаил Яснов, Артур Гиваргизов. Некоторые детские книги – настоящие произведения искусства. Чего стоят только сказки с иллюстрациями Ломаева. Или

подарочные издания издательства «Лабиринт», такие, как «Алиса в стране чудес», «Остров сокровищ» и другие. Когда такие книги стоят на полке, ты становишься обладателем настоящих сокровищ. И мне интересно этими сокровищами делиться с другими.

3. Что Вы любили читать в детстве, в подростковом возрасте?

Я с детства очень любила читать, как и вся моя семья. В нашем доме всегда было много книг - и детских, и взрослых. Я росла с братом. И когда мы были маленькими, мама «выдавала» по одной книжечке каждый день – тому из нас, кто быстрее уснет. Для меня книга всегда была хорошим подарком и наградой.

Читала я много и сама, и с бабушкой. Бабушка читала нам даже тогда, когда мы были уже подростками. Мы занимались своими делами, а бабушка читала вслух. Моему брату очень нравился Чарльз Диккенс, и поэтому мы читали его больше всего. Параллельно я могла все перечитывать самостоятельно и по нескольку раз. Мне было просто интересно погружаться в мир, описанный в книге, и откапывать в нем новые детали, на которые я не обратила внимание, когда попадала в этот мир в первый раз.

Первой книгой, которой я сама зачитывалась так, что не могла оторваться, был «Волшебник изумрудного города» А. Волкова. У меня была только первая часть. А остальные я брала у подруги. По одной. И бегала к ней за каждым томом. В течение недели. Я не могла ни есть, ни спать - только читала. Мне тогда было 10 лет. И это было первый раз, когда меня настолько захватила книга. Еще одной моей любимой книгой была «Дорога уходит в даль» Александры Бруштейн, которую я много раз перечитала, каждый раз растроганная до слез. Я и сегодня не могу ее читать спокойно.

А в подростковом возрасте я читала очень много любовных романов, которые мы могли тогда достать. Среди них «Унесенные ветром» Маргарет Митчел, «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте и другие. Мы читали их всей семьей по нескольку раз. Мне очень нравились детективы Артура Конана Дойла про Шерлока Холмса, детективы Агаты Кристи, фантастика Александра Беляева. Помню, как до утра читала «Остров погибших кораблей» А. Беляева и проспала школу.

Когда мне было 10 лет, мама моей лучшей подруги подарила мне книгу «Мастер и Маргарита» М. Булгакова со словами: «Вырастешь – прочитаешь». Тогда было трудно достать хорошие книги и, наверное, поэтому мне подарили ее «на вырост», пока была такая возможность. И вот, начиная примерно лет с двенадцати, я ее пыталась читать. Вначале чисто из любопытства, так как мне нравилось название. Читала в основном отрывками, поскольку многое было непонятно и скучно. Меня манила эта книга, несмотря на то, что я долго не могла ее понять. И в разные годы я возвращалась к ней, перечитывала. Эта книга раскрылась передо мной совершенно по-новому после того, как я

побывала в Иерусалиме, где буквально прикоснулась к библейской истории, о которой идет речь в книге. Позже, когда стали известны многие факты из жизни в послереволюционной России, о которых раньше не было принято говорить, вместе с фактами стал понятен некоторый подтекст. Когда у меня в жизни случалось разное, и это разное делало меня взрослее, я перечитывала эту книгу. Возможно, я не относилась бы к этому роману так, если бы он не попал ко мне на книжную полку с детства. Но это потрясающий опыт, когда одну и ту же книгу можно читать много раз, и каждый раз по-новому.

4. Есть ли у Вас дети и любят ли они читать?

У меня есть дочь. Ей сейчас 12 лет, и она любит книги. Она не читает взахлеб. И за год, возможно, прочитывает не больше 10 книг. Но делает это с большим удовольствием. И всегда делится со мной мнением о прочитанном, что я очень ценю. Ее интересы меняются, конечно, со временем, и этому я тоже очень рада.

Было время, когда она перечитывала «Гарри Поттера», как я когда-то «Волшебника изумрудного города». Кстати, «Гарри Поттера» я тоже читала с огромным интересом на разных языках, будучи уже взрослой, еще до того, как у меня появился ребенок. Я считаю, что это потрясающее произведение нашего времени, в котором есть все: хорошо продуманный волшебный мир, но вместе с тем очень реальный, с настоящими человеческими взаимоотношениями, проблемами, неудачами и победами, не говоря уже о блестящих аллегориях, закрученном сюжете и прекрасном владении словом. Без претензий на поучительность, эта серия романов учит многому: любви, дружбе, взаимопониманию, самопожертвованию, бережному отношению к данному слову, значимости знания собственной истории.

А еще моя дочь любит комиксы. Я знаю, что многие родители к комиксам относятся очень скептически, но не согласна с этим. На самом деле их тоже нужно уметь читать. К сожалению, у меня лично этого навыка нет. Как и у многих людей нашего поколения и старше. Если есть выбор, я предпочитаю комиксам книгу, где много текста. Но все же как преподаватель я вижу в них большой потенциал. Не стоит рассматривать картинки как легкую и разжеванную подачу информации. Наоборот. Картинки – это другой, дополнительный способ передачи мыслей посредством цветовых оттенков и настроений, которые нужно уметь увидеть. Иногда это дополнение к тексту, иногда его продолжение. Благодаря этому качеству комиксы развивают логику, речь, воображение, чувство юмора, мотивируют читать и изучать иностранный язык. Увлечение комиксами у моей дочери началось с Тин-Тина. Очень любит она и «Дневник Вишенки».

Читает моя дочь свободно на двух языках. Хотя на немецком быстрее, чем на русском. Но ей это не мешает. Она будет читать книгу на том языке, на котором

она ей попадется. Некоторые вещи пытается читать сразу на английском. Например, Роальда Даля или Доктора Сьюза. Будучи двуязычным ребенком и имея навык чтения на разных языках, она смелее подходит к чтению оригинальной литературы на языке, который она начала изучать в школе, даже если ей это кажется сложнее или менее понятно, чем текст на родном языке.

5. Руководите ли Вы формированием литературных вкусов вашей дочери?

Я советую родителям на семинарах и сама стараюсь следовать убеждению, что задача взрослого - создать для детей доступ к книге и литературе. А свои литературные вкусы дети разовьют сами. Я предлагаю своему ребенку разные книги на выбор, а она уже сама решает, что читать. Советую. Иногда она прислушивается, иногда нет. Мы обсуждаем, что она читает, как ей понравилось то или иное произведение и почему. У нас нет плохих книг, главное, чтобы книга заинтересовала. Моя дочь в состоянии сама сделать вывод, хорошая ли это книга..., или свое мнение со временем пересмотреть. Мне всегда очень больно наблюдать на книжных ярмарках, когда ребенок тянется к незамысловатой книге, а родители говорят, что эту ерунду покупать не будут. Потом эти же родители переживают, что их ребенок ничего не хочет читать.

6. Преподаватель и методист, знаете ли Вы тропинку, по которой можно привести ребёнка в страну чтения?

Только на собственном примере. И только если ребенку будет понятна цель этого путешествия. Сделать книги частью жизни - своей и ребенка. Если ребенок растет среди книг, то они навсегда останутся с ним. Если человек знает, как сильно книга может увлечь, он будет искать путь к книге сам. Если он знает, что в книгах можно обнаружить для себя что-нибудь интересное, то он будет и сам в будущем искать в книгах ответы на свои вопросы. Мы все от природы любопытны. А книги могут наше любопытство и разжечь, и удовлетворить одновременно.

Я когда-то познакомилась с пожилым человеком, которому был 91 год. Он жил один. Я его спросила: «А вам не скучно?» И он мне ответил: «Мне никогда не бывает скучно, так как я люблю читать. И я благодарен своим родителям, что они меня этому научили». По-моему, этим все сказано.

7. Есть ли, на ваш взгляд, хронически нечитающие дети?

Хронических нет. Есть временно нечитающие. Есть дети, как и взрослые, которые не читают, так как по каким-то причинам не видят в книге ни источника знаний, ни источника увлечений.

Причин этому может быть много. Это могут быть дети, которые читают медленно и плохо, у которых не выработан навык задумываться над прочитанным, переводить слова в смысл. Ведь чтение - это все-таки труд. И если человек к нему вовремя не приучен, то этот труд может быстро стать непосильным. Таким людям проще добыть информацию другим способом, например, послушав кого-нибудь или посмотрев видео, или, что самое простое, вообще отказаться от получения знаний. Но если таким детям попадутся книги, которые им будут под силу, они пересмотрят свое мнение.

А иногда причина кроется просто в отсутствии времени и ресурсов. Часто взрослым кажется, что именно в подростковом возрасте дети перестают читать. Но если внимательно рассмотреть школьное расписание и программу, то станет понятно, что читать им просто может быть некогда или все силы уходят на чтение программных произведений.

Еще это могут быть дети, которым по каким-то причинам не попадались книги, которые могут их увлечь, и они не находят в чтении радости.

Дети, которые выросли среди книг, хронически нечитающими быть не могут. Вполне возможно, что в их жизни будет период, когда они забудут о книгах на полках или не смогут их читать из-за своей загруженности, но обязательно вернуться к ним рано или поздно.

8. Часто говорят о том, что ребёнок должен сам выбирать книги. С какого возраста можно начинать полагаться на детский вкус?

С того момента, когда ребенок сам начинает выбирать. Обычно это с 3-х лет. Это не значит, что только ребенок должен и может выбирать книги. Но это значит, что он имеет право на выбор и самостоятельное формирование вкуса. А мы, взрослые, можем ему только посодействовать и попытаться направить, внимательно прислушаться к мнению ребенка, предлагать варианты, но при этом оставлять ребенку право выбора.

Идеально, конечно, если у ребенка в принципе есть возможность выбора. Поэтому среди моих проектов появилась несколько лет назад мобильная книжная ярмарка.

Вместе с другими неравнодушными преподавателями и активными родителями мы пытаемся мотивировать русскоязычные школы и организации к созданию своих библиотек, проведению книжных праздников, в ходе которых ребенок может узнать не только о том, какие книги существуют, но и что читают другие дети его возраста, участвовать в литературных конкурсах как внутри одной школы, так и по всей Германии и даже Европе.

Еще важно, чтобы у ребенка всегда был свободный доступ к его собственным книгам. Чтобы он мог в любой момент взять с полки книгу, которая привлекла его внимание в данный момент. В книжном шкафу могут находиться и книги, которые вы считаете нужным показать ребенку, и те, что он выбрал сам или те издания, которые смогут заинтересовать его в данный период. Конечно, в распоряжении ребёнка должны оставаться и книги, которые он уже знает, и те, что он ещё не читал.

9. Читать с ребёнком-подростком - фантастика ли это? Или это возможно?

Конечно, возможно! Я была таким ребенком! Просто не нужно читать, «чтобы читать». Важно не совместное чтение, а совместное времяпровождение. А чтение – это способ. Просто нужно найти такую книгу, которая будет интересна и взрослым, и подросткам. Важно, чтобы взрослый заинтересовался этой книгой не меньше, чем ребенок. Тут сложно что-то посоветовать конкретно, так как это очень зависит от интересов всей семьи и актуальных в вашем доме тем.

Если кто-то из старших заведет разговор о любопытной для него книге, зачитает отрывок вслух, не думаю, что ребенок, даже если это подросток, откажется послушать. Конечно, главное - найти подходящее время и место.

Кроме того, можно читать вместе, например, по очереди. Скажем, отрывок читает взрослый, пересказывает ребенку, дальше читает ребенок, сколько сможет, и пересказывает взрослому. Или возможно читать и обсуждать вместе одну и ту же книгу.

10. Как, на ваш взгляд, можно построить взаимодействие в плоскости подросток-билингв – книга – родители?

Проще всего с раннего детства. Если в семье с детства привыкли вместе читать и обсуждать книги, это будет возможно и в будущем. А иначе, наверное, сложно. Я, по крайней мере, другого рецепта не знаю. Ведь чтение – это сокровенное, личное. Если у подростка и родителей на каком-то этапе нет доверительных отношений, то и совместное чтение, конечно, будет невозможным, и наоборот.

Если мы хотим, чтобы ребенок прочитал книги, которые ему советуем мы, тогда и нам стоит прочитать книги, которыми увлекается он, и постараться понять, что его заинтересовало. Обсуждать, прислушиваться к его мнению.

Если мы говорим о ребенке-билингве, то здесь важно с уважением относиться и аргументировать выбор книги на одном из языков. Не настаивать и не высмеивать выбор языка или более простой книги, которая, по вашему

мнению, может не соответствовать возрасту ребенка, а поинтересоваться, почему предпочтение отдано именно этой книге или этому языку.

11. Тот же самый треугольник, но с участием преподавателя?

В условиях воспитания двуязычного ребенка родитель часто и есть преподаватель и проводник в мир одного из языков. Если еще есть школа и преподаватель, то это только упростит задачу привлечь подростка к чтению, так как на определенном этапе подростки чаще прислушиваются к мнению преподавателя, чем родителей. Конечно, при условии, что с преподавателем сложились уважительные отношения. А если преподаватель разбирается в современной литературе или открыт к тому, чтобы в ней разобраться, то ребенку просто повезло.

В моей школе, например, удастся заинтересовать детей какой-нибудь книгой, изучая с ними вместе эпоху, о которой идет речь в книге, или открывая интересные факты из биографии автора, которые понятны и интересны детям. Или через театральную постановку, которую мы готовим к какому-нибудь празднику. Интерес к книге и разговор о ней возникает и после совместного культпохода в театр. Иногда это спектакли на профессиональной сцене, иногда театры одного актера или творческие встречи с современными писателями, а иногда просто отчетные концерты театральных кружков.

В любом случае, если родитель или учитель увлечется книгой сам, то сможет увлечь ею любого ребенка и подростка тоже.

12. Вы живёте и работаете в Германии, где русскоязычное сообщество очень многочисленно. На базе публикаций группы «Что почитать двуязычным детям», складывается впечатление, что в Германии русскоязычные дети читают на русском очень много. Так ли это? Была ли у Вас возможность сравнить ситуацию в Германии с ситуацией в других странах?

В этой группе есть много активных участников и из других стран. Я думаю, что это связано не со страной проживания, а с семьями, уровнем их образования и традициями. Но еще и с удачей иметь в круге своего общения активных преподавателей и родителей. В Германии действительно на данный момент много русскоязычных школ и прекрасных учителей, которые делают много для того, чтобы ребенок говорил на двух языках и любил читать. Но сказать, что в Германии их больше или меньше, я не могу.

Если судить по участию в международных литературных конкурсах, к которым я имела отношение, и в таких проектах, как, например, наша детская газета «ТипТопик», то во Франции, Италии, Испании, Голландии или Англии детей, которые читают и пишут на русском языке, не меньше, чем в Германии.

13. Не могли бы Вы кратко рассказать о ваших авторских методиках и книгах? Разработаны ли Вами методики, нацеленные именно на подростков?

Во время работы с детьми-билингвами я обратила внимание, что не хватает

книг и материалов для детей, которые делают первые шаги в чтении и письме позже, чем дети в России. На сегодняшний день существует очень много замечательных пособий для тех, кто учится читать. Но они рассчитаны на определенный возраст. Чаще всего дошкольный.

А книг для самостоятельного чтения, которые будут интересны человеку любого возраста, независимо от того, когда он начинает учиться читать, нет.

Если не говорить об учебниках, то мне не хватает книг, доступных начинающему читателю любого возраста, написанных простым легким языком, о действительности, понятной детям, живущим за пределами России, детям, которые живут в другой среде, учатся в другой школе, по другим учебникам, привыкших к другой подаче информации.

Именно такие книги и материалы пишу я. Я - автор несокольких порталов для изучающих русский язык, программы-генератора словесных игр «Русланка» и книг для первого чтения, рассчитанных на читателей разного возраста. «Невидимки» и «Мини-сказки» для детей от 5 лет, «Рассказы из коробки» и «Прописи» для тех, кто начинает учиться читать и писать в 12 лет и позже, «Русский алфавит» для взрослых, тех, кто хочет освоить кириллицу, не вдаваясь в фонетические особенности.

Герои «Мини-сказок» – самые обычные вещи, животные и существа, которые нас окружают. Они живут своей жизнью, разговаривают, грустят, смеются, думают и делятся своими мыслями с читателем. Эти маленькие истории с элементами абсурда легко прочтает ребенок любого возраста, и дошкольник, и взрослый, который научился читать предложения по-русски, но не готов перейти к большим текстам. С книгой легко работать в семье или группе, где находятся дети разного возраста с разным уровнем чтения. Для начинающих читателей это возможность прочесть целую сказку самостоятельно. Для более продвинутых-наработать технику чтения или поупражняться в выразительном чтении вслух. Детям легко пересказать эти сказки или читать их вслух по ролям. Работа с «Мини-сказками» мотивирует детей придумывать истории самим и, может быть, даже написать свою книгу.

Читателям «Невидимок» предлагается стать соавтором книги и восстановить пропавшие рисунки. А чтобы их восстановить, нужно внимательно, вдумчиво прочитать текст. Книга рассчитана на детей от 5 лет, на тех, кто только-только научился читать слова и теперь торопится сложить их в первые предложения. Но читать отдельные предложения без контекста неинтересно, а читать большие тексты еще не получается. Для детей постарше «Невидимки» становятся своего рода ребусами на русском языке, которые легко и приятно разгадывать.

«Рассказы из коробки» изначально написаны для детей 12 лет и старше. Для тех, кто хорошо читает на родном языке, но никогда не учился читать по-русски. Главный герой этих рассказов - коробка, которая приехала много лет назад из России в Германию с одной семьей. Сегодня коробка стоит на чердаке и хранит вещи, которые расскажут читателю об истории и традициях разных поколений семьи, которая когда-то переехала жить в Германию. Прочитав рассказы самостоятельно или в группе, читатель сможет рассказать о себе или поговорить со взрослыми об истории своих родителей, а может быть, даже начать писать свою собственную историю. На русском языке, конечно.

14. Несколько пожеланий родителям и детям... Современные русские книги для подростков, которые Вы порекомендовали бы подросткам-билингвам?

Прислушивайтесь к своим детям и уважайте их выбор и мнение. Доверяйте им!

Что читать подросткам? Все, что интересно и посилено для них самих. Из русскоязычных авторов особенно могу порекомендовать обратить внимание на книги Виктории Ледерман, Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак, Нины Дашевской, Юлии Кузнецовой. Эти книги будут посильны детям, читающим по-русски или подойдут для совместного чтения.

Сегодня детская литература на русском языке такая разнообразная и многогранная, что можно найти книгу на любой вкус. Если подростки читают по-русски неуверенно, пусть обратят внимание на комиксы или познавательные книги с иллюстрациями. Таких книг издается сегодня очень много на любые темы.

Не отчаивайтесь, если вам кажется, что ваши дети не читают. Будьте им примером, и придет время, когда они будут вам за это благодарны.

ОБ АВТОРАХ

НАТАЛЬЯ ВИШНЯКОВА – литератор, журналист и педагог.

ИЛОНА ВОЛЫНСКАЯ – писательница, журналист, преподаватель английского языка, кандидат исторических наук. Илона в соавторстве с Кириллом Кашеевым является автором более чем сорока детских и подростковых книг.

АЛЕКСАНДРА ЗЕЛЕНСКАЯ – биолог, обладатель многочисленных дипломов в сфере биологии и медицины, Александра живёт и работает в Базеле и параллельно с профессиональной деятельностью пишет стихи как для взрослых, так и для детей. Автор нескольких поэтических сборников.

ЮЛИЯ КУЗНЕЦОВА – знаменитая детская писательница, лауреат и дипломант нескольких литературных премий.

АЛЕКСАНДР КУПРИН – (1870 – 1938) классик русской литературы, писатель и переводчик.

ОЛЬГА ЛАПАЖЕЛЬ – психолог, антрополог и начинающий писатель, Ольга обладает бесспорным талантом придумывать игры.

ВИКТОРИЯ ТАИБОВА – филолог, начинающая поэтесса, автор поэтического сборника.

СЕРГЕЙ УЛАШЕВ – писатель-юморист и актёр.

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ – (1875 – 1937) русская детская писательница и актриса.